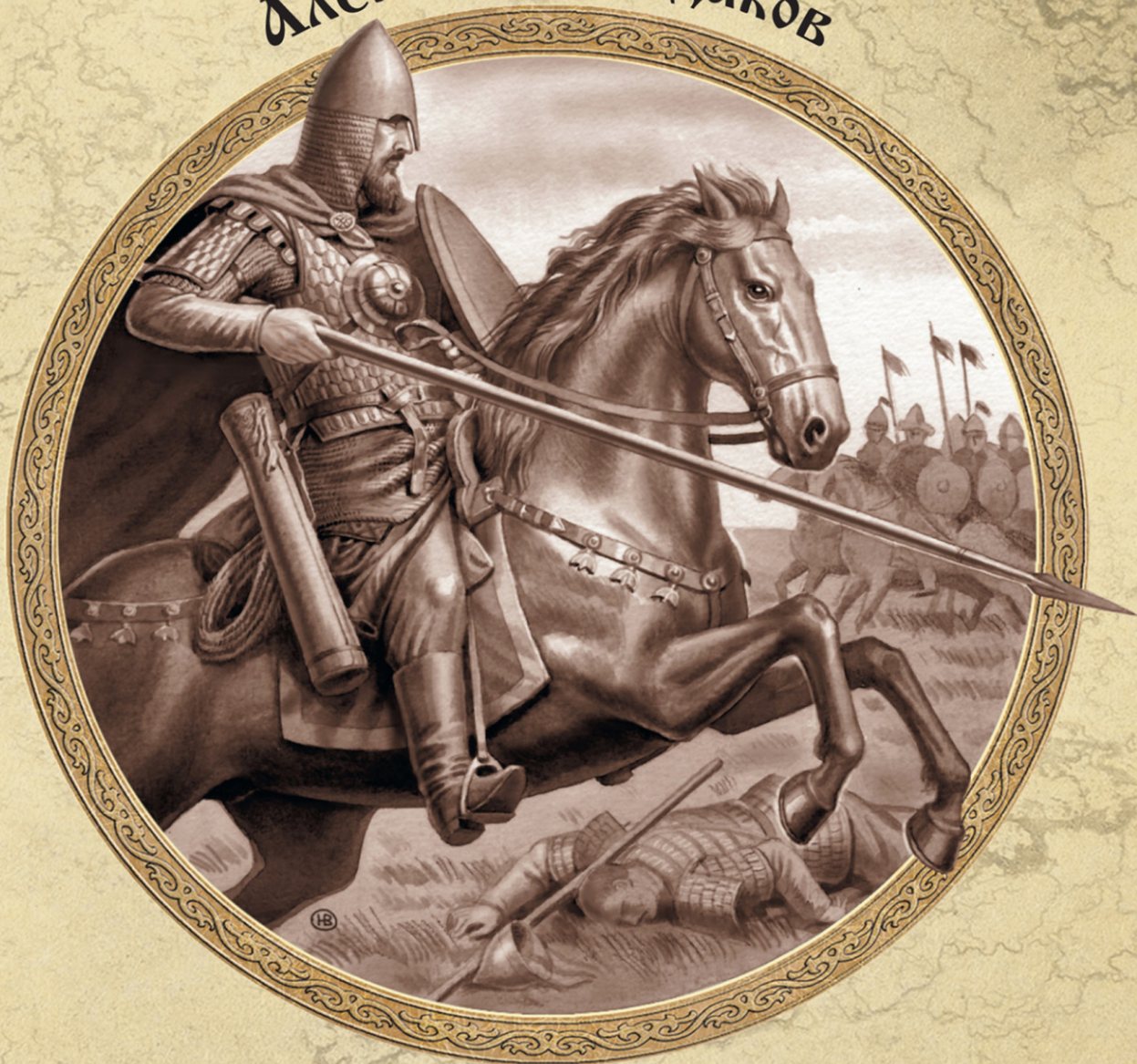

У истоков Руси

Алексей Пройдаков

Волки Дикого поля

У истоков Руси

Алексей Пройдаков
Волки Дикого поля

«ВЕЧЕ»

2020

Пройдаков А. П.

Волки Дикого поля / А. П. Пройдаков — «ВЕЧЕ», 2020 — (У истоков Руси)

ISBN 978-5-4484-8540-4

XIII век. Надвигается на Русь беда с Дикого поля, надвигается неотвратимо. Что делать? Как защититься? Есть на Руси богатыри, уже при жизни овеянные воинской славой: Лев Коловрат, Добрыня Злат Пояс, Алексей Попович, да и не только они. Эти воины – надежда земли Русской, защитники и охранители. Но кроме них есть и разорители, которые в междоусобной грызне совсем забыли, что Дикое поле совсем рядом и что рыщет по этому полю хищная орда...

ISBN 978-5-4484-8540-4

© Пройдаков А. П., 2020
© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Часть 1. Язычники и крещёные	7
Имя от Бога	7
1	7
2	11
3	12
4	13
5	16
Страшнее врага внешнего	18
1	18
2	20
Исадская израда	22
1	22
2	23
3	26
4	28
Евпатий и Елена	30
Тайная княжеская служба	36
Блюсти рубежи	41
Мятежная Рязань	44
Ростов Великий	49
1	49
2	49
3	50
4	53
5	55
Посланец из Дербента	56
1	56
2	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Алексей Павлович Пройдаков
Волки Дикого Поля
Повествование о времени битвы при Калке
Роман

Часть 1. Язычники и крещёные

Имя от Бога

Дивно дивен, вельми щедр, наполнен суровой красотой и глубокими таинствами благословенный Рязанский край! Его бесконечные, густые, непроходимые леса, его величественные шеломообразные холмы и топкие болота исполнены бесчисленными преданиями древних лет.

Сказочно богат он целебными источниками, многоводными озёрами, широкими и глубокими реками, драгоценными недрами.

Овеяна легендами и многократно полита кровью каждая пядь рязанской земли, потому что на плодovitость и богатство её издревле зарились захватчики, а благостное сияние берёзовых рязанских лесов неоднократно заслоняли рысьи шапки кочевников. Ибо рязанцы пахали и сеяли, а степняки разбойничали и грабили.

1

Коловрат жил с матушкой-вдовой в небольшой рязанской веси-деревушке Фролово, что в пяти верстах от Неринского городка (ныне город Шилово Рязанской области). Отца своего не помнил, но точно знал, что был он храбрым княжеским дружинником именем Гаврила и погиб в злой сече с волжскими булгарами.

Матушка Меланья ведала целебные травы и коренья. В избе всегда пахло чистотелом, мятой, рябинкой, подорожником, другими травами, пучками висевшими под потолочными балками.

Коловрат с детства знал, какие травы исцеляют от каких недугов. К примеру, отвар из корней и корневищ синюхи голубой – хорошее успокаивающее средство, в том числе при кашле; появляющиеся к осени на листьях дуба шаровидные тёмные «орешки» можно применять в виде отвара для примочек, которые хорошо помогают при ожогах и обморожениях.

Средств было великое множество, затаились они в полях и лесах. Надо только знать, где какое, протянуть руку и взять.

Рос-то он смышлёным, вдумчивым с малых лет, но частенько оставался одинок, поскольку водиться с ним было мало охотников. Коловрат этим не шибко впечатлялся, бродил по лесам, собирая травы, гонял скот на выпас. А ещё любил сидеть на крутом берегу небольшой речушки именем Пра, чуть ниже её впадения в Оку и глядеть на отражение облаков в воде, любил находить похожие на людей, коней, коров, тем и забавлялся.

В селце Фролово, не в пример другим хилым деревушкам, была и церковь небольшая, но зато с колоколенкой. Хоть это и был всего лишь подвешенный к берёзовым плахам колокол малого размера, но фроловцы всё равно были несказанно рады его незвонкому голосу и по воскресеньям прилежно ходили молиться. Коловрат с матушкой тоже желали душевного отдохновения, которое дарило пребывание в церквушке: запах ладана, суровые, но добрые лики святых на разноцветных иконах.

Отец Пимен скороговоркой произносил слова о неземном блаженстве на том свете для тех, кто его выстрадал на этом, так утешая убогую паству, но, когда раздавал благословения прихожанам, неизменно вопрошал вдову об одном и том же строгим голосом:

– Сын твой крещён именем Никифор.

Он многозначительно поднимал указательный палец, словно тыча им в небесный свод.

– Имя святое... – говорил при этом. – Пошто кличешь Коловратом? Коловрат – языческое слово, означает коловращение, беспрестанное верчение... Язычники, ведуны! – в сердцах восклицал. – Наложу епитимью, станете ведать, как Господа нашего страшиться!

– А и наложи, батюшка, – смиренно отвечала Меланья. – Авось присмирееет сынок-то, а то ведь никак не желает откликаться на Никифора. Не ведаю я, батюшка, откуда взялось это слово «Коловрат». Родитель его звался Гаврилой и никаких «коловратов» не ведал...

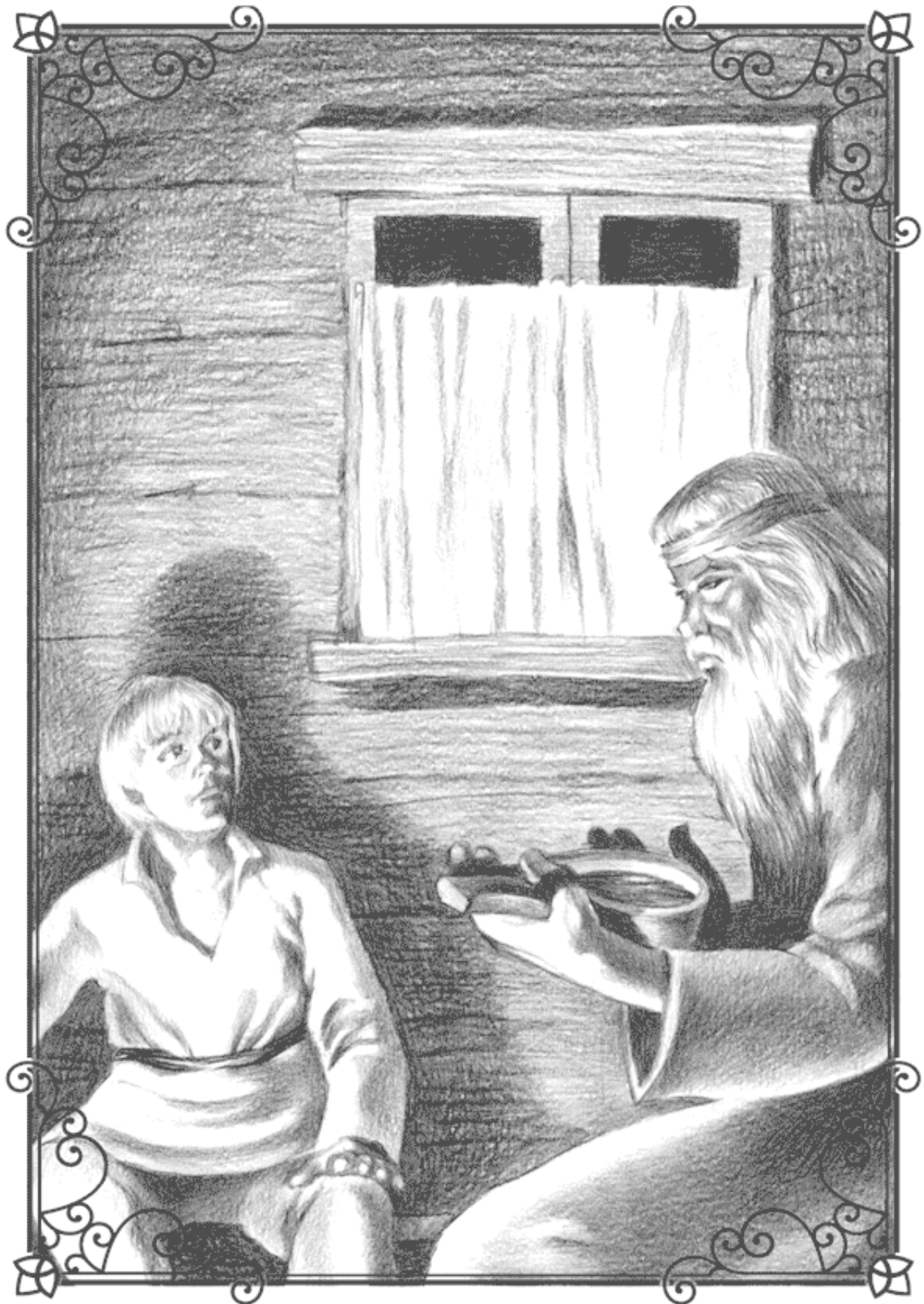
– Ан взялось откуда-то! – пыхтел отец Пимен. – Не с небес же пало имечко-то, не от Бога, а от лукавого! Не оттого ли нравится оно ему, прозвище-то, а?

– Да упаси Господи, батюшка! – непритворно пугалась Меланья такому обороту. – Хоть ты и служитель Спасителя нашего, а слов таких я терпеть от тебя не стану! Окстись! Сын мой – это мой сын... И вскорости получит он имечко, которое придётся ему по сердцу.

– Именем Господа нашего ему уже дано имя! – сердился батюшка. – Идолопоклонники! – незлобиво ругался вслед тихой вдове и её сыну, зная, что они смиренны и кротки.

Жили обыкновенно.

Случалось, голодали.

Как-то поздним вечером в их ветхую избушку кто-то негромко постучался, шумно кашляя при том.

– Мир вам, добрые люди! – послышался надтреснутый голос.
Меланья открыла дверь и окликнула пришедшего.

– Спаси тебя Господи, странный человек! Мы-то гостям рады, только потчевать тебя нечем... Ступай в другие избы, они будут побогаче.

– Господь не оставит своей милостью, – отвечал странник, входя в избу и крестясь на закопчённую икону Николая Чудотворца, у которой тлела лучина. – Не оставит, истинно вам говорю, и вместо лучины зажжёт свечу из чистого воска.

Увидев Коловрата, изумился:

– Господь Вседержитель! Какие ясные очи! И в полутьме сияют. В них, как в чистом озере, можно всю судьбу отрока прочесть.

– Судьбы наши в руках Господа, – настороженно отвечала матушка. – Он их ведаёт до самого нашего тихого креста...

– Ин добре, – не стал противоречить ей странник. – Не пужайтесь меня, люди добрые, я из благословенных Печор киевских, имя мне Варлаам. Несу свет веры Христовой на мордовские украины – эрзю северную и мокшу южную.

– Трудна стезя тебе досталась.

– А я и сам её выбрал. Стезя трудна, – согласился Варлаам, – да дело Божье. Давно иду, шибко устал. Не подадите ли водицы испить?

Коловрат метнулся до колодца, принёс воды в берестяном ковше.

Странник пил, тяжело дыша, как измученная лошадь.

Тыльной стороной ладони утёр усы и бородищу, поблагодарил.

– Ложись на лавке, – сказала Меланья. – А потчевать тебя нечем, уж не взыщи бедных людей... Хотя погодь, – всполошилась она, – кус хлеба припрятан для сына, ежели уж вовсе оголодает.

Она принесла завернутый в портно¹ небольшой кусок хлеба.

Странник принял с поклоном и стал неторопливо жевать. Крошки сбирал в ладонь и отправлял в рот.

– На доброе здоровье! – пожелала Меланья.

– Добрые вы люди, простые и душевные, – изменившимся голосом ответил Варлаам. – И за доброту вашу несказанную будет вам слово моё заветное.

Лучина едва освещала скудную утварь в избе, но Коловрат навсегда запомнил вещание странника и его почти иконописный лик, который, казалось, источал благое сияние.

– Сын твой, матушка, скоро войдёт в силу, славный из него выйдет ратник, а потом и воевода могучий. Но настоящим воителем, которого будут помнить во все времена, во всех градах и весях, станет твой внук, имя которому – защитник и поборник земли Русской.

– Аминь, – ответила Меланья, дрожа всем телом.

Коловрат благоговейно перекрестился и наивно переспросил:

– Батюшка, а как будут звать его?

– Кого, чадушко?

– Внука матушки Меланьи.

– Ипат, – уже засыпая, ответил странник. – Ипатий, чадушко...

– Ипат? – засомневался отрок. – Ипат сиречь воевода? Да как возможно?..

Но странник не мог ответить, он спал.

...Ранним утром Варлаама в избе не застали, он ушёл, оставив на столе каравай ржаного хлеба, тусок с медом и большой кус вяленой медвежатины.

---

¹ Портно – узкий грубый холст.

2

...Настоящее имя себе Коловрат заработал вскоре после того, как миновала его четырнадцатая весна.

Это случилось во время одного из половецких набегов на Рязанщину летом 1194 года.

Ранним утром надрывно и непрерывно трезвонил колокол, возвещаая о беде.

С южной стороны на Фролово, пригнувшись и дико гикая, скакали чужие всадники на косматых лошадёнках.

Неистово залаяли псы по дворам, следом за ними замычали коровы, заблеяли овцы, заплакали дети: всё живое проявляло животный страх и беспокойство.

С окраины веси донёлся приторный запах тлеющей соломы – загорались крыши.

– Кочевники! – раздался страшный крик. – Половцы!

Старики и женщины кинулись искать спасения, они бестолково метались от избы до риги, кричали не своим голосом, сзывая деток, изнывали едучей тоской, вспомнив, что их защищать некому, все мужики далеко – на покосе.

Коловрат тоже собирался идти на луга, дотачивал косу небольшим каменным оселком. Вначале он вздрогнул от крика, потом его лицо исказилось ужасом и жалостью, когда увидел, что пронзённая стрелой соседская бабушка Пелагея упала и больше не встаёт, только вздрагивает изредка.

Половцы дико орали, словно подпитывая в себе недостающую храбрость, метали наугад стрелы, махали кривыми мечами, шарили по дворам и ригам, врывались в избы и хватали всё, что попадалось под руку.

Было их немногим больше десятка. Зачем пришли во Фролово, и вовсе непонятно: жили здесь чёрные люди, дворов немного, даже тиуна-управляющего своего нет, приезжал взимать подать из Неринского городка.

Меланья выбежала в ограду, заслышав визги и крики.

– Кто это? – спросила, мертвенно побледнев.

– Степняки клятые, – ответил Коловрат. – Тебе, матушка, надобно спрятаться.

– Убегай, – попросила она тихо. – Очень тебя прошу, сыне, беги на луга, зови подмогу, авось отобьёте нас...

Тем временем разбойники стали вязать детей и женщин, которых успели изловить.

В избу Меланья забежали двое в кожаных шлемах с медными бляхами, деревянных доспехах, обтянутых бычьей кожей. За широким поясом у каждого по два больших ножа, кусок верёвки, кривой меч в правой руке да округлый щит, больше похожий на крышку от деревянной кадки, в левой.

Не обращая внимания на хозяев, ворвались, круша входные двери, перевернули стол и лавки, зло посрывали с потолка пучки трав, громко переговариваясь меж собой.

– Сыне, молчи, – тихо шептала матушка, – пусть заберут, что хотят, пропади они пропадом...

Не найдя ничего, кроме пары старых мисок на столе, степняки расшумелись, перебывая друг друга. Один схватил за руку и потащил за собой Меланью, другой стал показывать Коловрату на верёвку, чтобы дал себя связать.

Обида за матушку поборолла чувство страха и неуверенность. В руках была коса, и отрок Коловрат использовал её как оружие. Замахнулся со всего плеча и сам закричал диким зверем. Молодой половец, по виду ровесник Коловрата, испуганно заверещал, но увернуться не успел и получил остриём прямо по лицу. Пискнул жалобно, бросил меч и стал зажимать рану руками. Вида крови испугался и Коловрат, он застыл на мгновение, но матушка была в беде, потому, поборов робость, кинулся ей на выручку, потрясая железным лезвием мирного орудия труда.

Бросив Меланью, второй степной разбойник вскочил на коня и поскакал к своим, громко взывая на ходу.

– Храбрецы, – посмеялась Меланья. – Один отрок перепугал половецкую орду... Нечего сказать.

– Матушка, убегай! – тихо отвечал Коловрат. – Они сейчас вернутся. Пожалей меня, родимая, уходи, Богом заклинаю.

– Нет, сыне, – отвечала она, – если суждено отдать душу Господу нашему, то я подле тебя, ибо жить без тебя я не сумею. Мы разом умрём здесь.

Она взяла в свои хрупкие руки палку, чем-то отдалённо напоминающую ослоп-дубину, готовясь защищаться, сколько хватит сил.

Так и стояли они посреди рязанской веси, затерявшейся в непроходимых лесах, двое одиноких людей – мать и сын, – готовых насмерть биться со степными налётчиками.

Половцы тем временем оставили связанных пленников и стали торопливо совещаться, недоумённо разводя руками, словно не понимая, как такое могло случиться. Гикнули на коней, растянулись цепью и неторопливо двинулись в сторону Коловрата и Меланьи.

– Прости меня, родненькая, если был в чём-то виноват перед тобой, – сказал юноша, невольно всхлипнув. – Я от них не побегу, потому как отче мой станет недоволен мной на небеси. Я – сын княжьего дружинника!

– Ты – сын храброго Гаврилы, – блеснув слезами, отвечала Меланья. – Господь нам всё простит. И ты прости меня, сыне.

– Прощай, родимая! – крикнул Коловрат и ринулся навстречу врагам, размахивая косой.

Он не ощущал страха, перед его глазами была бабушка Пелагея, которую они убили, убили просто так, ради забавы...

3

...Первые стрелы, казалось, прилетели ниоткуда. Четыре половчанина, аккурат из середины, вывалились из сёдел, роняя мечи и щиты.

Из-за ближайшего овина появился отряд всадников в остроконечных блестящих шлемах, с червлёными – красными, острыми книзу щитами, в отливающих серебром кольчугах.

– Никому не давайте уйти! – послышался зычный голос. – Руби половецкую погань!

Ещё несколько стрел попали в цель. Пятеро налётчиков повернули коней, желая спастись бегством. Их догнали и порубили на ходу.

Всё было кончено за несколько минут.

– Это кто ж такой смелый? – спросил высокий статный воин в блестящих доспехах и алом княжеском плаще-корзне, указывая на Коловрата.

– Сын вдовы-травницы, – отвечали женщины, сбившиеся в кучу. И тут же запричитали: – Защитник ты наш благодный... Спаси тебя Господи, добрый княже!

– Поплачьте, бабы, но не шибко, времени мало у нас, надо далее идти вышибать погань половецкую с земли нашей. Да и то чудо, что мы вовремя оказались рядом.

Он слез с коня, кинул поводья ближнему ратнику и подошёл к бабам.

– Как именем?

– А никак, все Коловратом кличут.

– Негоже. Послушайте меня! – властно сказал незнакомец. – Коловрат сие есть коловращение беспорядочное, ничего не значит имечко такое. Я – князь Святослав Глебович – говорю вам, запомните сами и другим передайте: отныне этого отрока зовут Лев. Ибо как лев, не устращась многочисленности, кинулся на врага лютого, подлеящего... Подойди ко мне, сыне.

Коловрат (отныне Лев Коловрат), во все глаза глядя на князя, робко приблизился.

– Смелее, сыне, – подбодрил его князь Святослав. – Али князей не видывал?

И воинские люди, и деревенские, собравшиеся вокруг, дружно рассмеялись.
– Точно, батюшка-князь, князей видывать ещё не доводилось, – тихо отвечал Лев Коловрат, земно кланяясь.

Князь Святослав по-доброму усмехнулся и погладил льняные вихры отрока.

– Будет из тебя добрый молодец.

И вьюнош, никогда не знавший отцовской ласки, вдруг заплакал навзрыд.

– Ну-ну, супротив половца стал не задумываясь и не слезясь, а теперь что ж? – мягко укорил его князь Святослав.

– Это он от радости великой, пресветлый князь, – отозвалась матушка Меланья, принимая сына в объятия и сама обливаясь слезами.

– Подойди и ты ко мне, – позвал Меланью. – Да брось плакать, жив твой сыне, слава Господу.

Она подошла и поклонилась.

Святослав Глебович жестом попросил не делать этого, добавив при том:

– Не кланяйся мне, не икона. Это я тебе кланяюсь, мать рязанская, ты взрастила настоящего защитника земли нашей. Сколько отроку лет?

– Четырнадцать минуло.

– Сбирайтесь, отправитесь со мной. Беру его к себе, в нём есть гордость стоящего ратника – не побежал от ворога лютого, не побежал...

И хитрым взглядом обведя вокруг собравшихся, добавил:

– Хоть бы и устршился. А всё одно стал крепко... Смерти не боится только дурень стоеросовый, но долг рязанского витязя пуще всякой смерти. А сие есть витязь.

Любили дружинники своего князя и за меткое слово, и за доброе сердце.

Так решилась судьба простого деревенского паренька, которого отныне звали Лев.

На это имя он стал откликаться.

Рязань ему сразу пришлась по душе: храмы огромные, терема высокие, холмы зелёные, величественная Ока – мать и кормилица земли Рязанской.

В княжеском детинце его определили в гридницу, выдали одежду и послали чистить конюшни.

Приходила матушка, отныне она жила в одной из небольших избушек, предназначенных для прислуги княгини Марии – жены князя Святослава.

– Слава Господу, ты сыт, одет и при деле, – говорила она. – А княгинюшка сердешная! Я опять собираю и травы и коренья, составляю настойки и мази от ран и от всякой другой хвори, дабы ратников пользоваться.

Вскоре Коловрата определили щитоносцем к воину Остромиру.

Началось настоящее обучение воинскому делу.

4

В шестнадцать лет стал он полноправным княжеским дружинником, выезжал в сторожах, участвовал в скоротечных лихих стычках и суровых боях.

...Во время отражения очередного набега на окрестности стольного града десятков рязанцев в горячке погони нарвался на тщательно скрытую и хорошо вооружённую полусотню степняков. Проще говоря, попал в засаду. Многолетние набеги на русичей приучили половцев к обдуманному тактическому уловкам.

Обсыпали друг друга стрелами, а потом сошлись на расстояние меча, сминая первые ряды неприятеля. Но силы оказались неравными, враги напирали.

Схватка должна была оказаться короткой, но стала отчаянной из-за того, что дружинники решили отдать свои жизни подороже, не помышляя о пощаде.

Спасло от неминуемой гибели то, что следом шли основные силы рязанцев во главе с князем Романом Глебовичем.

Коловрат в той сече показал силу и удаль. Один отбивался от четверых, прикрывая раненого в живот десятника Остромира. Двоих яростно изрубил, третьего вырвал из седла и бросил оземь, потом затоптал конём. Но и сам вышел из боя изрядно посечённым.

С той поры его щеку от левого уха до подбородка украшает багровый шрам.

Князь Роман Глебович пожаловал Льва Коловрата оружием и доспехами. А через год, когда десятник Андрон погиб смертью храбра, стал во главе десятка дружинников.

Его воинская судьба складывалась как нельзя лучше: Господь оберегал, князья жаловали, матушка холила и лелеяла... И всё бы ничего, да с недавних пор потерял Лев Коловрат и покой и сон.

Весна это была, настоящая рязанская весна: цвела природа буйной сиренью, яблоней и черёмухой; соловьи в лесах надрывались от перевозданных трелей; прозрачный воздух трепетал и рвался по вечерам. Кружилась голова от запахов, слабели и подгибались ноги от неясных пока чувств.

Выходил во двор, садился на скамью и, дичась самого себя, мечтательно глядел на луну. Глядел до боли в глазах, и чудился ему вместо полной луны лик невзрачной голубоглазой полонянки. А чистейшие белые облачка, проплывавшие вдоль дорожки лунной, казались её кудрями. Грешные мысли, в которых он касался губами этих дивных глаз, гладил льняные волосы своими грубыми руками, одолевали Льва Коловрата.

Он неожиданно пугался, вскакивал со скамьи, озирался по сторонам: не заметил ли кто из дружинников его мечтательной улыбки. Потом шёл в церковь, чтобы в который раз истово помолиться, ограждая себя от непонятного состояния и, как ему самому казалось, от лукавого.

Но это был никакой не лукавый, это была самая настоящая любовь. И звали её Надийка.

...В тот год на Рязань, несмотря на оговорённое перемирие, набежали многочисленные дикие половцы. Они никому не подчинялись, никого из ханов не признавали, потому перемирие им было не указ; равным образом грабили и своих и чужих. Так же бывали биты со всех сторон. Потому и прозывались «дикими».

Град торопливо и бестолково осадили, взять не сумели, зато вволю пограбили близлежащие веси, поизгалялись над безоружными смердами, несколько сотен угнали в полон. Сопrotивляющихся побили до смерти. Забрали всё, что можно было запихать в седельные сумки, остальное пожгли и быстро двинулись к восточным рубежам, в сторону мордвы.

Поспешали, опасаясь возмездия рязанского князя, который с недавних пор возымел невиданную силу и поддержку со стороны владимирского и черниговского правителей и стал оказывать кочевникам изрядное сопротивление.

Полоняников гнали с неистовой силой, задыхающихся рубили...

Но кара настигла кочевников уже в первую ночёвку. Более двух сотен конных грабителей были окружены рязанскими дружинами и поголовно вырублены. В живых оставили только одного. Пешим отослали в Дикое поле, дабы предостеречь всех половецких людей: Рязань отныне им недоступна.

Плакали полоняники, в большинстве своём женщины и дети, целовали дружинникам руки, коленапреклонённо кланялись князю Святославу Глебовичу и воеводе Даниле.

Князь велел всех накормить и одеть.

Льву Коловрату на шею кинулась худенькая дивчина с большими голубыми глазами и молочно-белыми спутанными волосами. Она плакала и что-то торопливо рассказывала про погубленных родных, сожжённую избу и забитую корову, постукивая маленькими кулачками по его крепким плечам.

Молодой десятник велел дать тулупчик и кусок мяса. Усадил бедную у костра, укрыл, накормил и не отходил, пока она не забылась тяжким, тревожным сном.

«Бедная ты, бедная! – думал участливо. – И сколько вас таких обиженных и обескровленных. Эх, вдарить бы разом по всей половецкой погани, какая только есть на свете, чтобы и следа от неё нигде не оставалось».

...Лев Коловрат не спал, сидя у затухающего костра. Его десяток, дежуривший у княжеского шатра, только что сдал охранение десятку Онисима. У дружинников ещё оставалось немного времени, чтобы поспать.

А вот ему никак не спалось.

Она подошла неслышной тенью и села напротив.

– Меня зовут Надийка, – сказала тихо. – А как тебя, господин?

– Какой я тебе господин? Я – дружинник рязанского князя Лев Коловрат.

– Не суди меня строго, боязно одной оставаться... Ты шибко похож на моего брата. Сразу показалось, что это он, только в доспехах. Не серчай, это всё от горя великого.

– Брат не жив?

Она кивнула.

– Половцы сгубили, он кинулся в заступ, его порубили... Молодшего братишку тоже убили, не хотел в полон идти. Заодно и матушку с батюшкой. А избу пожгли.

Надийка судорожно вздохнула.

– Ничего не осталось, даже слёз...

– Где жили-то?

– Меж Исадскими и Рязскими воротами наш посад, батюшка кузнечил.

– Куда ж ты теперь?

– Пойду к тётке, авось не прогонит. У неё и самой мал мала меньше, а мужа в прошлом году половцы в полон забрали.

– А коли нет её?

– Не знаю, – обречённо ответила Надийка. – Пойду в Пронск, там ещё одна тётушка проживает, но совсем старенькая уже.

В Рязани полоняники разошлись по своим градам и весям, а сердце Льва Коловрата попало в полон. Маялся он, маялся, пока не вмешалась матушка Меланья, которая сразу определила, что с сыном творится неладное. Но и ей не сразу поведал о сердечной хвори...

– Это горе – не беда, – сказала радостно, выслушав весь его сбивчивый рассказ. – Пришло время, сыне мой...

– Какое время, матушка?

– Жениться тебе, вот чего скажу.

Оставив сына в некотором недоумении, матушка Меланья заспешила к княгине Марии...

Через некоторое время в ремесленном посаде между Рязскими и Исадскими воротами появился княжеский дружинник Тимофей, разыскивающий дочь кузнеца полонянку Надийку. Ему указали на покосившуюся избушку.

– Княгиня Мария велела кликать тебя, – объявил оробевшей дивчине развесёлый посыльный. И добавил многозначительно: – Не мешкая...

В княжеском детинце её направили не в палаты к княгине, а туда, где проживала травница.

– Ну, здравствуй, девушка-голубушка! – сказала ей невысокая сухонькая женщина. – Отныне жить будешь здесь и мне помогать станешь.

Надийка только ответила:

– Тётушка, я ничего не понимаю. За что мне это, сироте бездомной?

– Скоро поймёшь, – услышала в ответ. – Меня можешь называть матушкой Меланьей.
– Ты... его матушка? – переспросила Надийка чуть слышно, сама поражаясь своей смелости.

– Ну вот и слава тебе Господи! – облегчённо отвечала матушка Меланья. – Догадлива ты, иначе...

И размашисто перекрестилась.

– Стало быть, залетел голубь в душу?

– Ещё как... – Надийка была готова разрыдаться. – С тех пор только о нём и думаю. О нём, как самом родном и близком...

На следующий день матушка Меланья поведала сыну, чтобы он перестал изводить себя, а по-прежнему служил исправно. Мол, выведу всю твою хворь. И показала на худенькую дивчину, которая медленно заходила в её избушку, занося воду в деревянном ведре.

Краска разлилась по лицу Льва Коловрата.

– Матушка, милая, родная... – только и сумел сказать.

В порыве чувств взял её руку и поцеловал.

– То-то же, – погрозила матушка Меланья. – А то поведать не хотел. Жить будет здесь, мне помощница. Осенью, испрося у князя, свадьбу сыграем.

5

...В одном из последних походов, в котором участвовал Лев Коловрат, а это случилось в 1203 году, он принял в себя две стрелы, предназначенные для князя Святослава, уж больно нехристям хотелось изничтожить предводителя русичей и славного воина.

В полном беспмятстве увезли его на телеге. Матушка Меланья выхаживала больше двух месяцев. А когда Лев, исхудавший и обессиленный, вышел во двор, увидел, что наступила осень.

– Матушка, это ж сколько времени прошло? – спросил потерянно. – И что теперь станем делать?

– Ничего, – сдерживая слёзы, отвечала она. – Главное, что ты живёшь...

А к нему навстречу бежали, спотыкаясь, два сына-погодка – Дементий и Евпатий, недалеко застыла в беззвучных рыданиях жена Надежда, повторяя сквозь слезы:

– Спасибо, Господи! Ведь живёшь ты, Лев Гаврилыч мой ненаглядный...

И суровый ратник прослезился, обнимая жену, детишек.

На следующий день к нему пожаловал сам рязанский князь Роман Глебович с братом Святославом.

Коловрат сидел на брёвнах, вдыхая запах прелой листвы, любясь красотами осени, рядом сыновья размахивали палками, «сражаясь» меж собой, как два русича, «половцем» быть никто не пожелал.

«И тут, – подумал Коловрат мимоходом, – русичи меж собой бьются...»

Увидев князей, хотел пасть на колени, но его удержал князь Роман. Он душевно и проникновенно сказал:

– Тебе ли стоять перед нами на коленях? Ты – драгоценное узорочье, украшение и слава земли Рязанской! Если бы все сражались тако же, подлые нехристи половецкие давно забыли бы к нам дорогу. Ты принял на себя стрелы, которые должны были убить моего любимого брата... Слава тебе, Лев Гаврилыч!

Коловрат изрядно удивился такому величанию. Но самое главное ожидало впереди.

– Великий князь, я сделал то, что должен сделать каждый дружинник, – просто отвечал Лев Коловрат. – Долг каждого ратника отдать жизнь за своего князя. Все рязанцы дрались, не щадя себя.

– Добре дрались! – гордо отвечал князь Роман. – Победили, дали нехристям знатную острастку, побрали имущество половецкое, шатры, кибитки, скот, освободили из плена многих христиан.

– Слава тебе, Господи! Слава тебе, княже! – прошептал Коловрат.

Князь Святослав, положив ему руку на плечо, произнёс:

– Мы с братом решили держать тебя возле самого нашего сердца, быть тебе воеводой рязанского князя.

Лев Гаврилович едва не лишился чувств, осознав всю громадную значимость только что сказанного.

– Поедешь воеводой в Неринский городок. Отныне имя тебе Лев Гаврилыч, – добавил князь Роман Глебович и возложил на шею коленапреклонённого Коловрата золотую боярскую цепь.

– По заслугам и честь, – сказал при этом.

Страшнее врага внешнего

1

Лев Коловрат – боярин и воевода рязанского князя – был уважаем и почитаем в Неринском городке за природную доброту, которую не смогли из него изгнать тяжкие воинские будни, а также доподлинное мужество. Все ведали, что в битвах за отчину он за чужими спинами не прятался. Зная настоящую цену мирным дням, заботился об устройстве и обороне, творил суд и расправу по справедливости.

Истинный патриот Рязанского княжества, прирождённый витязь, он и младшему сыну с детства уготовил ратную судьбу.

В три года Евпатия усадили на коня. Матушка Надежда изрядно переживала за сына, но он усидел, крепко ухватившись за гриву.

Это походило на княжеский праздник под названием «пострижение». В день, когда княжичу исполнялось три года, ему срезали прядь волос и сажали на коня, дав копьё в руки. Отныне он считался мужчиной.

Воеводы подражали своим владельцам и считали себя вправе делать подобное, подразумевая рождение нового военачальника.

В пять лет Евпатий забавлялся маленьким луком и пускал стрелы в чучело.

К шести годам кузнец Светозар выковал для него небольшой меч, который ладонь юного витязя могла легко обхватить.

Любимые бывальщины, которыми его потчевала перед сном старая няня Горислава, были про древних русских воителей – князей Святослава, Владимира Красное Солнышко, богатырей Илью Муромца и Святогора.

Повзрослев, Евпатий любил вспоминать своё детство. Оно было чудесным! Сказочные, завораживающие просторы кормилицы земли Рязанской Оки и небольшой речушки Пра, которыми они любовались с другом детства Найдёном; окрест – сумрачные дубовые и еловые леса, ещё хранящие горькие запахи языческих капищ; светлые, как божий день, берёзовые лядины-заросли молодняка, где Евпатий любил сиживать на поляне, разгадывая непостижимые очертания белых облаков. Он любил находить похожие на людей, коней, коров.

Семья жила в достатке, изба была просторной, с широким красным крыльцом и блестящими стёклами на окнах, а не какими-нибудь бычьими пузырями.

У Евпатия был старший брат Дементий, который уже бойко читал по написанному и задушевно пел псалмы в храме, да младшая сестра Любомила.

«Старшего сына – Господу, – говорил воевода, – но младший – моё продолжение».

Любили Льва Коловрата в Неринском городке, где служил он воеводой, и в его, пожалованной князем рязанским, веси Фролово, куда он часто приезжал отдохнуть после праведных трудов или воротясь из похода... Был строг к смердам, но справедлив. И тиун – ратных дел сотоварищ Парфён – под стать ему.

На всю жизнь Евпатий запомнил слова отца:

– Службу у нашего князя я начинал в конюшне, убирал навоз. Помню. А вот сколь выпало мне сражений далее – не упомяну. Зато знаю точно, что никакие ратные дела невозможны, если дружина голодна. А кто нас питает? Ратаи! Так вот, сыне мой возлюбленный, будь к ним всегда милосерден, не бей, не унижай того, кто изначально тебе не в силах ответить. Они землю обрабатывают, мы защищаем. И хоть разные у нас пути, но отчина – едина. Князю рязанскому – сыновья любовь и вся наша жизнь, ратаям и смердам – желование-милость человечью.

Мудрым человеком был Лев Коловрат.

Шести лет Евпатия отдали в обучение грамоте к отцу Панкратию в монастырь Покрова Святой Богородицы.

– Доблесть витязя, – заключил при этом воевода, – не только во владении мечом. Русичи должны преуспеть и во владении писалом. А кто в сем деле не преуспел, считай, отчине прочен лишь одной частью, да и то не самой лучшей.

– Батюшка, а для чего ратнику буквицы ведать? – робко вопрошал дитя.

– Предположим, назначен ты посланцем к половецким разбойникам...

При упоминании о «половецких» у воеводы лицо перекосило.

– Опасно ведь к неприятелю ехать, батюшка?

– Опасно, сыне! Особливо к этим страшным нехристям. Но, ежели есть хоть малая толика сохранить жизни сотоварищей, пытаться надобно. Используешь такую возможность – честь тебе и хвала! А падёшь в битве – Господь сразу примет к Себе, ибо положивший живот за други своя становится ангелом на небеси.

– Батюшка, а я тоже стану ангелом? – спросил шестилетний Евпатий.

Воевода ничего не ответил, только обнял сына и прижал его голову к своей груди.

– Половчане – дьявольское семя! – сказал в сердцах, чтобы скрыть набежавшие слёзы. – С их потаканием на Руси творятся все чёрные дела... Но и с ним вести уряд и можно и должно. А посланец – это не только руки, но и голова. Грамоте не разумеешь – никогда не быть головой! В нашей вотчине издревле воеводы и бояре, не говоря о князьях, аз и буки ведают.

– А смерды как же?

– Смерду ни к чему, ему в посольстве не езживать, – резонно отвечал батюшка. – И запомни, сыне, половцы были, есть и всегда будут самыми страшными врагами русичей.

– Ты же сам давеча сказывал, что с ними рядиться надобно? А неужли нет возможности заключить ряд, чтобы долго не воевали нас?

Воевода в который раз подивился недетскому уму своего отпрыска, когда речь касалась ратных дел.

– Уж и не знаю, что должно случиться – небо упасть на твердь, Ока наша и Проня потечь вспять, – чтобы русичи и половчане накрепко были способны урядиться... Даже случись такое и с ними заключим мир, они только пождут случая, а потом либо в спину ударят, либо переметнутся, либо предадут по корысти... Не верь им, сыне, нигде, никогда и ни в чём.

...В левом углу трапезной монастыря стоял широкий стол с дубовыми скамьями, на которых сидели детишки. Среди них Евпатий с радостью увидел своего друга Найдёна, сына кузнеца Светозара.

Было тепло и тихо. Сквозь оконные решётки, рассеиваясь, струился солнечный свет, помечая столб пыли – от пола к потолку.

Отец Панкратий обучал грамоте детей боярских и ремесленных неторопливо и основательно. Но буквицы казались Евпатию чем-то непонятным и недостижимым, они выскальзывали из памяти по одной и все вместе.

За то был неоднократно наказуем и даже таскан за власья.

«В назидание, а не в боль – всегда к пользе», – говорил наставник.

Когда слухи о неудачах сына достигли ушей воеводы, он вытащил из кованого сундука большую книгу в жёлтом переплёте из телячьей кожи и с серебряными застёжками.

– Вот чты, – сказал при этом, – о хождении игумена Даниила. Взято у половцев. Не ведаю, откуда у хриstopродавцев явилась сия харатья-книга, должно, Божий храм пограбили. Хотел было отцу Панкратию отдать, да он оставил. Пусть, говорит, детки твои постигнут книжью премудрость, опосля и передашь в книжницу святой обители.

Старший брат Дементий посмеивался над Евпатием, водившим пальцем по строкам и пытавшимся вспомнить названия букв.

– Вымахал оглобля этакий! – попенял брату. – А ума ни на грош. Это тебе не из лука стрелять или махать мечом, здесь память нужна.

– Пока отец Панкратий говорит, всё помню, – чуть не плача, отвечал младший. – Как без него мыслить почну, всё попусту.

– Не хнычь, растолкую. Ты каждую буквицу с чем-то ведомым сравнивай, понимаешь? К примеру, «добро», сие на домик похоже... А несколько букв станут глаголом-словом. С этого дня обучение грамоте пошло куда как гораздо.

2

Поединков и битв, в которых участвовал Лев Коловрат, не счесть.

И если половцев, болгар или мордву побитую вспоминал без сожаления, то русичей, с которыми волею князей приходилось драться, жалел всем сердцем. И понимал, что несправедно это и неправильно.

По его глубокому убеждению, наибольший вред Русской земле наносят межусобные войны.

Говорил Евпатию:

– Никакие подлые вороги так не кусают княжества русичей, как бойня меж своими. Она намного страшней всех внешних вторжений и помнится дольше.

И сам думал, что, вспоминая лихолетье, рязанцы прежде всего видят не болгар, половцев или мордву, а владимирские полки князя Всеволода Юрьевича.

Лев Коловрат не любил владимирцев за их природную заносчивость, но врагами не считал. Недальновидность князей, любыми путями жаждавших получить власть, он считал высшим бедствием Руси.

...За пять спокойных лет до Исадской резни, когда княжеством правил Роман Глебович, сделано было немало: возводились храмы и монастыри, строились терема и усадьбы. Город расширялся, хорошел. Чтобы его достойно охранить, укреплялись городские стены и валы, появились надзорные башни.

Льва Гавриловича призвали служить в стольный град воеводой. Терем ему поставили на Подоле недалеко от пристани. Вначале предложили поселиться за городскими стенами в Стольном граде (один из районов Старой Рязани), недалеко от Спасского собора. Но Лев Гаврилыч любил приокское раздолье, его запахи, плеск волн, потому и упрямил князя Ингваря Игоревича построить у самой Оки.

Стал он заниматься укреплением и расширением княжеской дружины. Сам набирал новичков, под его опытным оком они постигали азы ратного ремесла.

Времена были тихими, больших войн не велось, но рязанцы всегда были настороже, жизнь в пограничье приучила. Союзов ни с кем не заключали, держались наособицу. Потому даже призыв Юрия Всеволодовича к войне с братом Константином не услышали.

Слава Богу, битва при Липице прошла без рязанцев.

Правда, потом, став великим князем, Юрий Всеволодович пенял рязанцам, мол, выпустил же вас на волю, одарил безмерно, а вы...

«Мы пока ещё слабы, – отвечали рязанские князья, – крепости в нас нет. Погоди чуток, и мы стодимся тебе».

А сами мечтали о том, чтобы владимирский князь как можно быстрее и как можно прочней забыл и о существовании Рязани, и о том, что проживают в ней рязанцы.

Хорошее было время, спокойное! Казалось, отошло лихолетье. Но князя снова ввели в разор и великую замятню отчую землю.

И случилось это в небольшом княжеском поместье под названием Исады.

Исадская израда

1

Всякое лиходейство имеет свои истоки, а также хранит первоначальный замысел. Зачатки исадского искать надобно в 1207 году. Именно тогда, с кончиной сразу троих Глебовичей – Игоря, Владимира и Ярослава, – в Рязанском княжестве произошёл новый передел волостей, который сулил нешуточные распри. Недовольными были все, но особенно обделёнными считали себя сыновья Владимира: Глеб, Константин, Изяслав и Олег. Как когда-то их батюшка, они обратились к великому князю владимирскому с жалобой, но... не дождались ответа.

Тогда их сердца исполнились злобой и коварством. Они стали плести сети заговора, думая, как устранить соперников.

Главным зачинщиком стал Глеб. Он решил возвести напраслину на своих родственников, найдя активного помощника в Олеге.

В то время великий князь Всеволод Юрьевич собрался походом на Киев против Всеволода Чермного, зятем которого был Кир Михаил – сын Всеволода Глебовича, князя пронского. Он отказался участвовать в походе против тестя, чем и навлёк на себя первоначальный гнев всевильного правителя.

Через своих бояр Глеб и Олег Владимировичи уведомили великого князя о том, что рязанские князья находятся в давнем стоворе со враждебными Ольговичами, замыслив супротив него израду.

– Подлое семя! – сказал Всеволод Юрьевич в сердцах, вспомнив мятежного Глеба Ростиславича, и повелел заключить обвиняемых в поруб – темницу.

Шестерых рязанских князей арестовали, безо всяких доказательств вины: Романа Глебовича, его брата Святослава с сыновьями Мстиславом и Ростиславом, сыновей Игоря Глебовича – Ингваря и Юрия.

Роман Игоревич каким-то чудом остался на свободе, временно оказавшись «старшим» князем. Таким образом, никакой выгоды коварные Владимировичи от клеветничества не получили.

С 1207 года и до самой смерти Всеволода Большое Гнездо, последовавшей в 1212 году, о рязанских правителях ничего не было слышно.

Наместником в Рязань посадили сына великого князя – Ярослава. Города княжества подчинялись только владимирским тиунам и посадникам, всюду и всё вершили владимирцы. И вся правда на Рязани отныне была за ними.

Унижение было полным, скоро это почувствовали все рязанцы. Дружинники великого князя вели себя как на захваченных территориях, и это повлекло за собой несколько крупных восстаний, одним из которых руководил всё тот же Глеб Владимирович.

Толку от них не получилось совсем, а послужили они лишь причиной прямого захвата Рязанского княжества посредством военного вторжения.

А череда стычек и дерзновенных речей, тоже совершаемых бестолково, закончилась строгим наказанием повергнутых, заключавшимся в сожжении непокорного града Рязани, откуда, впрочем, заранее вывели всех жителей с имуществом и детьми.

Дабы ослабить напряжение в рязанских землях, жителей разорённых городов разослали по разным местам Владимирского княжества. А лучших людей и первого Рязанского епископа Арсения великий князь владимирский взял с собой в стольный град.

В 1212 году рязанских князей освободил из темницы пришедший на «первое княжение» Юрий Всеволодович. И в этом был корыстный смысл, без человеколюбия. Чувствуя своё поло-

жение на владимирском столе довольно шатким в борьбе со старшим братом Константином, он хотел сделать рязанцев союзниками. Потому одарил князей и дружину золотом, серебром, конями; утвердился с ними крестным целованием и отпустил на родину.

Но домой возвращались не все. Судьба догнала Романа Глебовича. Освобождённый из владимирской темницы в 1179 году, в которой сидел за дело, он скончался в неволе, в которую попал по чистой клевете.

Его брат Святослав Глебович дожил до освобождения, но недолго пользовался старшинством...

Делами Рязанского княжества стал управлять Ингварь Игоревич, как старший среди Игоревичей.

2

Но коварные Владимировичи не думали опускать руки, они терпеливо выжидали целых десять лет, потом решились ударить сразу по всей династии рязанских правителей. Можно было бы назвать всё это семейство преступным, но Изяслав отказался поддержать распрю, потому его и убили вместе со всеми. Олег умер за девять лет до Исадской резни.

Исад – так назывался рыболовецкий выселок на Руси.

Исады – так называлась княжеская весь в нескольких верстах вниз по течению Оки от стольного рязанского града. Именно здесь произошло братоубийство, которым запятнали себя князья Глеб и Константин Владимировичи, став позором земли Рязанской и не только...

Константин, шибко уязвленный – раненный Евпатием Коловратом, после свершённого злодеяния вовсе где-то исчез, о нём забыли. А вот Глеб заслуженно получил прозвание «нового Святополка Окаянного».

Глеб вовсе не был обойдён судьбой, вместе с Изяславом владел самым богатым после столицы рязанским городом Пронском, но этого ему не доставало, потому вызывало зависть к тем, кто обладал большим. Константин вовсе не имел своей волости и всякий раз жаловался Глебу. Недовольство их объединило.

– Игоревичи просто так первенства не отдадут, – говорил Глеб. – Вцепились крепко и мнят себя едиными по всему княжеству. Сидят в Рязани накрепко – не собьёшь.

– Но я имею право, я тоже князь! – кричал Константин. – И мой пращур такой же, как и у них всех, – великий Ярослав Мудрый! А для меня даже маленького княжения нигде не сыскалось!

Он обиженно шмыгнул носом и даже всхлипнул.

– Князей так много, что уже княжить стало не над кем... Да и кто ты такой? Чего совершил, чем заслужил городок в правление? – нарочно изводил брата Глеб.

– Я-то ладно, а вот ты чего тщишься? – неистовствовал Константин. – У тебя Пронск, ты князем рязанским обласкан изрядно. Тебе-то чего выискивать, брат? Али под нас стараешься?

– Да не ори ты так, – мрачно отвечал Глеб. – Мне за всех вас обидно. Я за праведность в отношениях меж родичами.

– Ну а коли за праведность, придумай что-то, – хныкал Константин. – Ты же умнее нас всех...

– Мы с покойным Ольгом уже однажды придумывали, да толку никакого не оказалось. Посидели наши родичи в порубе да и вышли на волю. Слава Богу, дядья поиздыхали, а вот братьев двоюродных не поуменилось.

– И как теперь нам быть? Что нам придумать, чтобы стать выше всех?! – горячо выпрашивал Константин. – Ну, говори скорее, чего удумал?

Он даже скинул лёгкий цветной кафтан, оставшись в исподней рубахе, стало жарко от мыслей.

– Теперь надо сделать так, чтобы никто и никуда больше не вышел, – прошептал Глеб.

– Это как же?

Глеб провел большим пальцем по горлу.

Константин на миг оторопел.

– Это как же, братка? – выдавил единственное возражение.

– А вот так! – ответил Глеб и залпом выпил чашу мёда. – Я их всегда ненавидел, – угрюмо произнес при этом. – Всех!

Константин вдруг спохватился:

– А как же Изяслав? Он ведь родной наш...

Глеб сильно тряхнул его за плечи и горячо спросил:

– Хочешь Рязанью володеть? Хочешь, чтобы государем тебя почитали и низко кланялись издалека?!

– Х-хочу!

– Тогда знай себе помалкивай и делай, как скажу.

Он махнул рукой куда-то в сторону.

– Изяслав всегда был больше за них, чем за нас. Они ему роднее, чем мы – родные братья! Я его наемни допытывал: что, брате, всегда будем так обретаться на кормлении у единого града? А он отвечает: как великий князь положит, так и будем...

... Через некоторое время князья рязанские, муромские, коломенские получили приглашение от брата Глеба собраться 20 грозника-июля 1217 года в его вотчине Исадах, учинить ряд о волостях, попировать да навсегда прекратить распри меж своими.

Обычное дело, князья иногда собирались вместе, чтобы решать какие-то сложные семейные дела.

Учинить ряд никто не против, к тому же родные и владельцы давно не собирались вместе, не пиروвали толком.

Потому пришли только с воеводой, несколькими ближними боярами да малыми дружинами.

Среди прибывших был родной брат отступников Изяслав и пятеро двоюродных: Кир Михаил Всеволодович, Мстислав и Ростислав Святославичи, Роман и Глеб Игоревичи.

Недоставало только Ингваря да Юрия Игоревичей, которых ожидали скоро.

Никто не ведал, что Игоревичей невольно спас великий князь владимирский Константин Всеволодович, приславший гонца с сообщением, что волжские булгары осадили и взяли Великий Устюг; предупреждал о необходимости усилить заставы на восточных рубежах, где особенно возможны прорывы пургасовской мордвы.

3

Евпатий Коловрат с малой дружиной Романа Игоревича тоже пришёл в Исады.

Семнадцатилетний отрок своим ростом уже выделялся среди дружинников, но при этом был гибок и увёртлив, а широкие плечи, крепкая грудь и сильные руки выдавали в нём природного бойца.

По мнению десятника Савватия: «Мощь и разум Евпатия его лет более горазды».

Друг детства Найдён стал его щитоносцем.

Большой половецкий шатёр князя Глеба был разбит посредине поляны, с трёх сторон окружённой густыми вязами. Вокруг шатра суетились дружинники братьев-хозяев.

– Не нравится мне это глебовское хлебосольство, – тихо молвил Евпатий. – Уж больно все здесь велеречивы и благостны... А в глазах бесы скачут.

– Да? – удивился Найдён. – А я полагал, что попируем. Отчего ж такой расклад получается, Евпатя?

– Да мне батюшка сказывал, как десять лет назад Глеб обнёс рязанских князей перед Всеволодом Юрьевичем так, что они потом пять лет томились во владимирской темнице. Кабы нынче не вышло чего похуже...

– Так родня ж...

– Это мы с тобой родня, а у князей свои понятия о родстве, – задумчиво ответил Евпатий. – А что касательно отдыха, погодим...

Постепенно темнело.

Княжеский пир набирал силу, из шатра уже доносились хмельные здравицы.

– Найдён, – позвал Евпатий, – давай-ка, друже, сходи, посмотри вокруг, нет ли чужаков.

И показал глазами на лес.

Найдён, вынув меч из ножен, молча растворился в сумерках.

Часть дружинников братьев-гостей тоже беспечно гуляла, всех угостили на славу. Столы стояли близ усадьбы и ломались от закусок. В серебряных ковшах – игристые вина, мёды, настойки.

Десятник Савватий усердно подливал себе в чашу.

– Десятник, – окликнул Евпатий, – не надо бы шибко хмельным баловаться...

– Ты кому это, отроче, указывать удумал? – грозно спросил десятник.

Евпатий и ответить не успел, как со стороны леса возник Найдён.

– Евпатий, – тревожно прошептал он, – подальше в лесу половцы. Их видимо-невидимо.

Все оружны.

«Все чёрные дела на Руси творятся с потаканием половцев», – вспомнил слова батюшки.

Хмель мигом вылетел из головы Савватия.

– Господи! Делать-то что станем? А вдруг худо какое учинится?

– Дружинников подымай, князей спасать надобно, да и самим поберечься.

– Думаю, уже поздно, – произнёс Найдён.

Со стороны шатра стали доноситься дикие крики, шум борьбы, топот многочисленных ног.

На миг показалась кудлатая голова Кира Михаила.

– Израда! – послышался крик, но тут же оборвался.

– На коней! – скомандовал десятник Савватий.

Кто успел, тот оказался в седле. Попытались вырваться с ходу, но потеснили половцы, быстро выдвинувшиеся из леса, и воины Глеба, не давая пути.

Пришлось обнажать мечи.

Найдён ближайшего недруга полоснул сталью по кольчуге, уворачиваясь конём, зацепил ещё нескольких, расшвыривая по сторонам.

Конь десятника стал на дыбы, потом озлился и лягнул ближайшего половчанина копытом так, что тот оторвался от земли, роняя меч и щит, упал на столешницу, проехался по ней, собирая посуду...

Евпатий слегка завяз в обороне, на него накиннулись сразу несколько недругов. Бросив взгляд на шатёр князя Глеба, где произошло кровавое преступление, увидел, что из него, размахивая окровавленным мечом, выбежал князь Константин.

– Найдён, друже, ко мне! – позвал щитоносца. – Это князь Константин...

Евпатий кинулся к братоубийце, сбивая визжащих кочевников конём. Уже над головой подлого князя взлетел грозный шестопёр, но в эту самую минуту коня Евпатия задела копьём, он метнулся крупом, и это спасло жизнь израдцу Константину. Удар пришелся вскользь по лицу и поднятой правой руке, ломая локоть. Раздался страшный крик.

Раздавая удары направо и налево, Евпатий направил коня в лес за шатры, где, по его разумению, уже никого не оставалось.

В трёх верстах от Исад, на лесной дороге, ведущей в Рязань, Евпатий, Найдён, Савватий и ещё семеро дружинников съехались.

Молча переглянулись и поскакали в столицу.

Прибежали в ту пору, когда малая дружина князя Ингваря уже миновала Средний город и через Спасские ворота направлялась в сторону Исадской дороги.

– Княже, остановись! – крикнул десятник Савватий.

Князь Ингварь поднял руку, сжатую в кулак.

- Что стряслось, десятник?
  - Израда, княже! Глеб и Константин побили князей до смерти!
- Ингварь и Юрий смертельно побледнели и некоторое время не могли произнести ни единого слова.
- Как... могло стать? – выдавил, наконец, из себя князь Ингварь.
  - Пусть Евпатий расскажет, он последним ушёл из того логова.
  - Кто таков, молодец? – спросил князь Юрий.
  - Воин малой дружины князя Романа Игоревича, сын воеводы Льва Коловрата Евпатий.
  - Знаем Коловрата, ценим его.
  - Княже, наши люди бились до последнего, но многие были хмельны...
  - Спасся ли ещё кто-то?
  - Не ведаю, но князю Константину я вложил шестопёр, он вряд ли доживёт до завтра.
- Думаю, надо ждать гостей на Рязань, там половецкой рати, как при набеге.
- Князья переглянулись.
- Возвращаемся в детинец, – скомандовал Ингварь Игоревич.

4

В Рязани объявили тревогу. На ближайшие заставы и посады разослали княжских людей, которые на Оке и Проне скликали плотогонов и гребцов, рыбаков и просто охотников к защите стольного града. Всем пришедшим выдавали оружие и ставили на бойницы.

Утром князь Глеб подступил к стенам города, с ним многочисленное половецкое войско.

– Сдавайте град! – кричали Глебовы доброхоты. – Пришёл истинный владетель земли Рязанской.

– Вот вам, клятые израдцы!

В сторону бирючей летели камни.

Рысьи шапки мелькали вокруг городских стен, ища место для прорыва. Горожане поражали степняков стрелами и копьями, поливали кипятком и жидкой смолой.

Томительно тянулась осада. Через несколько часов, основательно утомившись отбиваться, то есть быть жертвой, князь Юрий нервно предложил:

– Брате мой и княже, нам ли сидеть за стенами, ища укрытия? Устал я праздновать недомка! Бивали мы половцев ранее, побьем и ныне. Дозволь?

Князь Ингварь решительно поддержал брата. Стали выкликивать, кто желает идти на прорыв по доброй воле. Вызвались все вои, и посадские ополченцы, и речные люди.

Отворили ворота. Княжеские дружинники на конях стремительным натиском отбросили степняков от городских стен, шедшие за ними ополченцы схватились с пешими дружинниками князя Глеба, выкрикивая на ходу: «Израдцы! Иудины дети!» Но у тех, похоже, не было ни сил, ни желания сражаться: кто побежал, на ходу с себя срывая доспехи, кто просто отбросил оружие, покорно склонив голову перед неизбежным мечом. Но сдавшихся не казнили...

Победа была полной, но не окончательной.

Через несколько месяцев окаянный Глеб собрал свежее войско кочевников и вновь подступил под стены Рязани. Ингварь Игоревич, заблаговременно оповещённый о грозящем набеге, заранее запросил помощи у великого князя владимирского Юрия Всеволодовича, и она была немедленно оказана.

На этот раз, зажатым между двумя дружинами, половцам и «Глебовым израдцам» учинили окончательный разгром.

Лев и Евпатий Коловраты, другие военачальники получили личное указание князей-братьев: «Глеба привести живём...»

Но его не оказалось ни среди убитых, ни среди полонённых.

Один из подручных сообщил, что князь убежал раньше, чем началось избиение.

По некоторым сведениям, Глеба постигла обычная, с точки зрения летописцев, судьба братоубийц: «...обезуме и тамо (*среди половцев*) скончася...»

Относительно спокойное время наступило с вокняжением Ингваря Игоревича. В 1218 году Рязанская земля обрела твёрдого правителя, да и неудавшиеся попытки окаянного Глеба, два раза приведшего большие отряды кочевников под владими́ро-рязанские мечи, тоже оставили о себе долгую память в степи.

Так что время правления Ингваря Игоревича в истории края, слава Богу, более всего известно тем, что благоверный князь в 1220 году основал Льговский (Ольгов) Успенский монастырь рядом с укреплённым городком Льговом, в двенадцати верстах вниз по течению Оки.

Ингварь Игоревич отошёл с миром через семь лет после Исадской трагедии. Его преемником стал родной брат – Юрий Игоревич.

Евпатий и Елена

В княжеской дружине мало кто мог соперничать с Евпатием в перетягивании вервья или поднятии камней. Был он лих на мече и в метании копий – большого и малого, именуемого сулицей.

Правда, в стрельбе из лука особого усердия не выказывал, говорил, что бить врага на расстоянии – удел боязливого, а сойтись с ним лицом к лицу – доля витязя.

«Жаль, матушка Меланья не видит ныне своего любимца!» – сожалел Лев Гаврилович.

Прошлое было тяжким и лихим, но воевода о нём неизменно вздыхал, что и говорить, то было время молодости.

Незадолго до кончины матушка спросила:

– А помнишь ли божьего странника, что долю твою предсказывал?

– Помню, родимая, помню...

– А ведь он тогда про Евпатия говорил...

Лев Гаврилович соглашался, потому что навсегда запомнил пророчество странного человека именем Варлаам...

Пять лет, как она тихо отошла в иной мир, и многое изменилось с тех пор.

Старший сын Дементий тоже хорош, хотя и не воин, а лицо духовное. Служит помощником настоятеля Успенского собора, начитан и велеречив.

Не очень любит Лев Коловрат всю эту поповскую братию, возможно, сказывается языческое прошлое его пращуров. Но уж то добре, что отец Василий (так теперь величали Дементия) нужен посадским людям, что многие рязанцы хотят слышать его проповеди, ищут его духовной поддержки.

Дочь Любомила замужем за сыном богатого рязанского гостя Звяги и уже одарила внученькой Меланьей.

Всякий раз, когда Лев Гаврилович брал на руки эту крохотулю, он заливался слезами, вспоминая матушку.

Вскоре после Исадской израды он впервые заговорил с Евпатием о возможной женитьбе.

Сын краснел, отнекивался, что-то невразумительно мычал.

Потом выдал из себя:

– Батюшка, я – княжеский дружинник. Наша доля, допрежь всего, отчину стеречь от ворога.

– То добре, сынка, витязи земле Рязанской всегда были нужны и нужда в них никогда не иссякнет, – выразительно отвечал Лев Гаврилович. – Мы защищаем землю нашу, нашего князя, наши дома. А ещё за спинами нашими остаются семьи – дети, жены... Вот что крепко привязывает нас к родной земле, сыне. Вот что составляет святую основу каждого рязанца, каждого русича. Подумай об этом, крепко подумай...

И Евпатий стал думать. Он привык верить каждому слову батюшки, но о скорой женитьбе вспоминал только тогда, когда из воинских будней возвращался домой.

Но вскоре произошло событие, заставившее молодого воина иначе посмотреть на весь окружающий мир...

Княжение Ингваря Игоревича было достаточно тихим, но все понимали, что тишина эта обманчива и вскоре грянут неминуемые события. Потому княжеская дружина прирастала и числом и умением, потому всё время кликали охочих людей из посадских, которых два раза в неделю-седмицу натаскивали в ратном деле, создавая дружинный резерв. Потому именно в княжение Ингваря Игоревича стольный град решили сделать неприступной твердыней, безопасным центром одного из важнейших торговых путей.

Дело в том, что верховье реки Прони, впадающей в Оку, близко подходит к верхнему течению Дона. Рязань замыкала собой водный торговый путь от междуречья Оки и Волги к берегам Сурожского (Азовского) моря.

Вопрос укрепления города носил стратегический характер. Половецкие набеги случались часто, нередко кочевники доходили до стольного града. И хотя взять его было делом непростым – Рязань стояла на возвышенном берегу Оки, – но стены её обветшали во многих местах, а кое-где пришли в полную негодность. Их необходимо было частью подновить, частью соорудить заново, увеличив при этом число городских ворот, в связи с расширением столицы княжества на все стороны света. Пока что они располагались только вокруг кремля: Водяные, Серебряные, Спасские и Подольские.

Рязань хорошела теремами и усадьбами, число каменных Божьих храмов тоже возрастало. Со времени отделения Рязанской епархии от Черниговской появился ещё один – Спасский собор, над созданием которого трудились смоленские зодчие. Он стал ещё одним украшением града. Это было крестовидное здание с тремя полувыступами – апсидами. Верхнее перекрытие, на котором был запечатлён лик Спасителя в небесах, поддерживали четыре столба.

Его красота и величие стали значительным подспорьем для самоутверждения рязанского князя, прославления его богатства и могущества. Именно рядом со Спасским собором расположился княжеский дворец.

Возведённый ранее Борисоглебский собор сделался местопребыванием епископской кафедры, которая стала так и называться – Борисоглебская.

Успенский собор в южной части города был немного старше вышеупомянутых и предназначался для простых людей.

Так Рязань постепенно обретала свою христианскую душу.

В Спасском соборе молился и выстаивал службы рязанский князь Ингварь Игоревич с родственниками, но в большие праздники на торжественные богослужения неизменно приглашались ближайшие бояре и воеводы с домочадцами.

...Была середина зарева-августа 1218 года.

Совершалась Божественная литургия в честь Успения Пресвятой Богородицы.

Собор был полон. Впереди стояли князь Ингварь Игоревич и Юрий Игоревич со своими домочадцами.

Далее располагались ближние бояре и воеводы. По случаю великого праздника приехали из Переяславля, Неринска, Ростиславля, Льгова, Дедославля, других городов Рязанщины: православную веру истово блюли все поголовно.

В боковых притворах толпились гости-купцы и выборные посадские ремесленники, для которых приглашение в Спасский собор было великой честью.

Коловраты стояли сразу за княжеской свитой.

Евпатий откровенно скучал, церковные службы его утомляли, они заставляли отрываться от службы воинской, которую молодой витязь почитал самым необходимым делом всей своей жизни.

Он разглядывал белокаменные стены, увешанные большими и малыми образами с лампадами при них, а то бездумно смотрел на пол, состоящий из цветных неполивных кирпичных плиток розового и голубовато-зеленого оттенков.

...И вот под густой бас благочинного настоятеля собора отца Аникея, который заполнял собой всё внутрисоборное пространство, Евпатий ощутил на себе нечто... Подобно толчку в сердце, или уколу ножа – быстрый взгляд девичьих глаз, наскоро брошенный из-под тёмного, вышитого золотыми нитями плата.

И как-то сразу сделалось жарче... Острее запахло ладаном, живее ощутилась духота многочисленных горящих свечей. Звонче воспарил, выбираясь на небесную высоту, глас церковного хора.

«Ишь, какая востроглазая, – подумалось Евпатию. – Смелая какая! Прямо-таки оцарапала».

Он знал, что рядом семейство воеводы Кофы: сам Данила Данилович, его чада и домоладцы, а также младший брат Вадим Данилович сурово крестились и преклоняли колени, когда требовалось. Стало быть, воеводская дочь.

Выйдя из собора, стал ждать, уж очень хотелось увидеть обладательницу такого пронзительного взгляда.

Елена задумчиво шла чуть позади всего семейства. Она просто шла, а ему казалось, что это плывёт над твердью земной сама Богородица, спустившаяся с небесных чертогов. Высокая, ладная, сильная, казалась она ему воплощением женственности и красоты.

Покрестившись на врата собора, нежданно повернулась в ту сторону, где стоял молодой дружинник. Их взгляды встретились...

«Лада ты моя, – подумал Евпатий, – единая на всё житие».

«Витязь ты мой, – отвечал взгляд Елены. – Долгожданный».

...За воинскими буднями краткая встреча у собора стала казаться чем-то заоблачным или приснившимся, но глаза девичьи звать и манить не переставали, а укол в самое сердце был настоящим, и Евпатий временами его ощущал, особенно ночами.

Ворочаясь под медвежьей шкурой в гриднице, пытался соображать, что бы значило его нынешнее состояние, совсем ни на что прежнее не похожее.

А в голове торжественно и грозно звучал голос дьякона Спасского собора: «В рождестве девство сохранила еси, во успении мира не оставила еси, Богородице, преставилася еси к животу, Мати сущи Живота, и молитвами Твоими избавляеши от смерти души наша».

Покосившись на лежащих рядом дружинников, Евпатий забоялся, как бы они не услышали то, что сейчас слышит он. Потом встряхнулся, подумав, что слышать они не могут, всё это в его голове. В самом деле – сотоварищи сладко спали, кто-то похрапывал, кто-то густо храпел.

А вот молодой дружинник утратил и покой и сон.

В один из дней ревуна-сентября, приехав из сторожи в Диком поле, Евпатий явился домой, дабы попариться в мови и отдохнуть под отчим кровом.

Переступив порог горницы, перекрестился на образа, поклонился родителям.

Матушка Надежда обняла сына, поцеловала в голову и торопливо перекрестила макушку, всплакнув при этом.

– Больно рано ты возвернулся ныне... Что там в стороже? – грозно спросил Лев Гаврилович.

– Пока тихо, батюшка, но я чаю, тишь эта невразумительная и шаткая.

– Отчего ж?

– Видели на той стороне костры многочисленные, коих прежде не случалось.

– И что с того, что костры? Степняки жгут, а мы бойся?

– Я чаю, сами степняки чего-то опасаются, батюшка.

– О как! – воскликнул Лев Гаврилович. – Князю поведали?

– Савватий поспешил.

– Ладно, иди с сестрой обнимись да Меланьюшку почемокай.

– Сестрица! – обрадовался Евпатий. – Здравствуй, милая! А где маленький цветочек?

– Только что заснула, всё капризничала... Зубки режутся у нас.

– Ох ты! Большая становится уже.

Осторожно открыл дверь и заглянул в светёлку.

– Спит... Почто сама, где твой Дивей?

– В Новый город подался с товаром...

– Тяжек хлеб его, как погляжу, отдыха не ведает в набивании мошны.

– Евпатий, – строго сказал отец. – Всякому своё. Кто отчину бережёт, кто товары стережёт. Не для всякого меч в руке хорош, кому и мерило сойдёт.

Любомила вздохнула озадаченно – она знала: брат считает, что всякий рязанец мужского пола должен непременно быть воином и защищать землю от врага внешнего, а уж потом кем захочется. А её муж Дивей – купец в третьем поколении, удачливый купец, весь в своего отца Звягу. В своё время батюшка решил, что породниться с богатым гостем Звягой, который часто бывает в заморских странах, хорошо. Евпатий был недоволен, но против родителя сказать не решился, однако Любомилу всякий раз вышучивал. Вот и сейчас не удержался, но сестра не обижалась, только сокрушалась всякий раз, что её суженый не воин.

– Евпатя, что скажу тебе, – прошептала на ухо, когда отец вышел в горницу.

– Что за таинство? – удивился брат.

– Днесь встретила дочь воеводы Данилы Данилыча Елену... О тебе спрашивала, где ты да что ты. Я сказала, что который день в стороже обретаешься. А она лишь вздохнула и далее пошла. Ох и ладная девка! Боевая такая! Говорит, сама бы взяла меч, будь отроком, да в сторожу с тобой поехала.

– И впрямь боевая девчонка! – ответил он, чтобы только ответить, и разом почувствовал, как радостно забилося сердце, как захлестнула всё его естество тёплая волна.

– Ой, Евпатя, а ты покраснел! – воскликнула Любомила. – Знать, любя она тебе?

– Сестрица родная, – прошептал Евпатий. – В целом свете ничего не страшусь, кроме гнева Божьего да немилости родительской... А при мыслях о ней робею, как служба монастырский пред ликом Спасителя. Прямо напасть какая-то!

– Да не напасть это, а – лада она твоя, искра Божья. Не страшись... Я знаю, что это такое, хоть и младше тебя на два лета, а мы, бабы, в этом большее разумение обретаем и пораньше вас. Вот и Дивеюшка мой тако же робел и краской покрывался, хотя и не дружинник. Люб ты ей, верь мне, брате. Глаза её, что в зеркале венецианском, что в отражении воды, истину твердят: люб.

– Не сердчай, сестрица, за Дивея, это я так, без злобы, – сердечно повинился перед сестрой. – Ведаю, что отчине нашей потребны и воины, и купцы, и землепашцы.

– Я не сердчаю, брате, – ответила Любомила. – Да и он, мой супруг, почитает тебя, а над своим званием купецким и сам иной раз посмеивается.

– Ин ладно! – отвечал Евпатий. – Доскажи о Елене. Ране-то её и не видно было.

– Шестнадцатая весна минула девке, – говорила сестра. – Соблюдалась и грамоте училась в монастыре под Муромом. На днях только возвратилась под отчий кров.

– Евпатий! – раздался голос батюшки. – Зайди в горницу.

Лев Гаврилыч стоял у дубового стола и разглядывал большой кусок пергамента, на котором были изображены рязанские и владимирские земли, а также небольшой кусочек территории Дикого поля.

– Не дописал иконописец, – в сердцах произнёс Коловрат-старший. – Покажь, где огни наблюдались?

Евпатий всмотрелся и пальцем, не касаясь пергамента, указал в юго-восточном направлении.

– Здесь, батюшка, и чуть глубже...

– Пообвык не тыкать пальцем в сию драгоценную роспись? Хвалю! За наблюдательность тоже. А вот за то, что возвратились, не прознав, что в степи происходит, за то похвалить никак не могу. А вот, будь князем либо воеводой твоим, подверг бы наказанию...

– Батюшка, ты для меня выше любого воеводы, выше князя. Прикажи, и я немедля отправлюсь...

– Остынь, сыне, тем другая сторожа озадачится. Сбирайся в мовь, попарься да отдохни. Евпатий шагнул к порогу горницы и застыл. Весь его облик излучал робость и нерешительность.

– Батюшка...

– Чего?

Лев Гаврилович пристально всматривался в карту.

– Ступай, сыне, мне недосуг.

«Ладно, – думал Евпатий, – нынче и впрямь недосуг... Спросить бы её прямо и без утайки, люб я или нет... Коли люб, и сватов засылать можно. А коли не люб?.. Такого быть не может. Ну уж случись такое, уеду на самую дальнюю южную заставу, стану смерти искать».

Данила Кофа, так же как Лев Коловрат за воинскую доблесть, был пожалован воеводой Дедославля рязанским князем Романом Глебовичем. Своих детей, а их было четверо, любил без памяти. И если к трём сыновьям относился как к будущим воинам – с излишней придирчивостью и строгостью, – то единственную дочь Елену баловал как мог. Но дочь выросла, её ждала обычная участь женщины тех лет – жены и матери, однако Данила Данилович решил, что Елена должна овладеть грамотой и отправил её в муромский Покровский монастырь, где обучались дочери князей и бояр.

Отдавали в монастырь девчонку-замухрышку, а забирали уже взрослую девушку – высокую и ладную.

Её красота и стать настолько поразили сопровождавшего боярина Жидислава Путятича, что он тем же вечером пал в ноги Даниле Даниловичу с воплем:

– Отдай мне Елену в жёны! Жизнь без неё не мила!..

– Куда тебе? – подивился воевода. – Ты ж ростом вдвое меньше её. Будешь рядом, аки репей у малины.

– Не смейся, Данилыч, мой рост – в корень.

– Не хочу неволивать единственную дочь, – сказал Кофа, как отрезал. – Сама пусть скажет, кто ей станет люб...

Однако, смягчившись, обещал подумать.

После того как Елена заметила в соборе Евпатия Коловрата, она так же потеряла и сон и покой. Влюбилась без памяти, с первого взгляда. Да и батюшка не единожды сказывал про воинскую доблесть и Льва Гаврилыча, и его сына Евпатия, тем самым ставя пример собственным сыновьям.

Воображение Елены рисовало огромного русоволосого богатыря с улыбкой ребёнка. Таким он и оказался. И был стеснительным, как ребёнок. Как он покраснел, когда их взгляды встретились!..

А однажды она, промаявшись почти до утра без сна в своей девичьей светёлке, неожиданно заснула, ей приснился сон. Высоко-высоко, из-под самых Божьих небес она принимает на руки израненного стрелами супруга своего, мгновенно залечивает все его раны, и он улыбается ей... И Елена поняла, что это судьба.

Проснувшись, она едва сдержалась, чтобы не закричать. Но всего лишь позвала няню и попросила подать воды.

Данила Данилыч намекнул как-то, что brave боярин жизни без неё не мыслит.

- Кто? – спросила Елена.
- С кем тебя из Божьей обители забирали – Жидислав Путятич.
- И думать забудьте, батюшка, – устало ответила Елена. – Не будет этого. Другой люб.
- Вот как? – удивился Данила Данилыч. – А не скоро ли? Едва из обители возвернулась...

Кто же это?

- А сами не ведаете?
- Неужто Евпатий?
- Он. И мне без него жизнь не мила... Это Божий промысел, батюшка.
- Наталья! – позвал жену. – Доченька-то наша повзрослела... Теперь сватов станем ждать.
- Лучше Евпатия мужа ей не сыскать, – ответила матушка.
- И ты уже знаешь?! Все знают, одному мне невдомёк.
- Глаза пошире отвори, – посоветовала мужу.

Двор воеводы Данилы Кофы был тоже на Подоле.

Обычно Евпатий проезжал мимо, не обращая внимания, ну двор и двор, каких здесь много.

Но следующим ранним утром, собравшись на службу в детинец, он краснел непривычно, заранее зная, что проедет мимо дома, в котором живёт Елена.

Верный мечник Найдён ждал у крыльца, чалый жеребец Евпатия уже был осёдлан.

Вот и частокол ограды Кофы, за которым дорогой его сердцу дом. А у ограды...

Сердце Евпатия зашлось в стуже, в голове помутилось, едва с коня не свалился.

У ограды Елена в красном сарафане и синем платке, рядом нянька.

Всадники склонили головы, желая здоровья женщинам.

– Евпатий! – услышал он и тут же остановил коня.

Она подошла близко и, взявшись за стремя, тихо сказала:

– Коли я тебе любя, шли сватов...

И вместе с нянькой они скрылись за воротами усадьбы.

– Ох и лихая! – восхищённо произнёс Найдён. – За такой в огонь и воду... Евпатий, – осторожно позвал застывшего друга. – Ты вживе?

Евпатий очнулся и решительно повернул коня назад.

– Куда? – закричал Найдён.

– За благословением матушки и батюшки, друже!

В листопаде-октябре и свадьбу сыграли.

Это был пир на весь мир, и гуляли на нём, как равные, и князья рязанские, и бояре хитрые, и воеводы лихие, и дружинники смелые.

А уже через положенное время одарила Елена Даниловна супруга своего первенцем, и назван был он именем Александр.

Тайная княжеская служба

В один из дней месяца травня-мая 1219 года воеводу Льва Гавриловича Коловрата вызвали в княжеский терем.

В горнице был рязанский князь Ингварь Игоревич и правитель Пронска Юрий Игоревич. Братья ценили воеводу.

Ингварь Игоревич, увидя вошедшего, пошёл навстречу. Весёлые, слегка раскосые его глаза глядели тепло и радостно.

Одет в синий кафтан, который немного скрывал полноту стареющего князя, бархатные штаны и красные болгарские сапоги.

Юрий Игоревич был в лёгком малиновом полукафтанье.

– Доброго здоровья, государи мои!

– Будь здоров, Лев Гаврилыч!

Ингварь Игоревич обнял за плечи и усадил на дубовую скамью, несмотря на возражения, со словами:

– Много лет нам честно служишь – достоин!

Ярко светило солнце сквозь окна, пахло травами, к балкам крепились пучки, запах которых был знаком с детства, такие он собирал с матушкой Меланьей.

Защемило внутри.

– Пригласили мы тебя, воевода, по важному делу, – начал разговор Юрий Игоревич.

Он подошёл к едва приоткрытому широкому окну, открыл настежь, по-хозяйски посмотрел во двор.

Два дружинника пробежали мимо, спеша по делам службы, слуги выносили просушиться всякую рухлядь.

Смерды спешно несли кули со снедью в кладовые, а со стороны кухни пахло вкусно и приятно. Тут же суетились голуби, деловито воркуя и беспрестанно клюя что-то. Невдалеке, алчно поглядывая в сторону голубей, возлежал огромный кот, обретавшийся у княжеской кухни.

Прямо над окном свисали гроздьё белой сирени, левее цвели черёмуха и яблоня. Запах стоял дивный-предивный.

И это был запах детства.

«Сколь славны дела Твои, Господи! – с восторгом подумал Коловрат. – Сотворил же лепоту такую! Аж голова кружится от запаха и прелести».

Как истинный воин, прошедший всю жизнь в железных доспехах и на коне, он особенной, какой-то большой любовью любил русскую природу.

«Ах, не совался бы к нам никто из врагов, так и мы б никого не трогали. И какова была бы жизнь наша – в хлопотах да хозяйствовании. Вот всегда бы так – просто смотреть, дивиться и восторгаться, и никаких тебе сечей, стычек, крови...»

– Говаривают, как выдал дочь замуж за Дивея, сына Звяги, сдружился со многими нашими и заморскими гостями? – спросил князь Юрий.

– Истинно так, княже.

– Они ведь бывают во многих краинах, много видят. Что сказывают?

– Случается, – замешкался Коловрат. – Я не возьму в толк...

– Спрос таков для большого дела надобен, – упредил князь Ингварь. – К примеру, о чём вечер шла речь в Звягиной усадьбе?

– Как обычно, хвастали гости, что за что взяли и почём отдают. Скука мне с ними... Был новгородский гость Никодим, вот тот горько сетовал, что ныне проездом через Ливонию ведают немцы-меченосцы и дорого берут.

– Довоевался полоцкий Владимир, – горестно произнёс князь Юрий. – И сам сгиб, и дело упустил...

– Латинцами ныне заселена Ливония, – подтвердил Лев Гаврилович. – У Новгорода и Пскова под боком. И думается мне, государи мои, – он с прищуром посмотрел на князей, те согласно кивнули, – что вскорости немцы попрут на русские земли.

– Отчего мыслишь так? – спросил Ингварь Игоревич.

– Ливония – не Русь, под немца легла вроде бы по доброй воле... Вы сами сказали, что полоцкий Владимир Володарович довоевался. А чужь всякая уходит из Ливонии в Новгородчину. Земли остаются меченосцам, вот и возгордившись непомерно, могут прельститься якобы лёгкостью задачи.

– Высоко взметнул свой крыж римлянский папа, – веско сказал князь Юрий. – Далеко хочет распространить, да пока что руки коротки.

– Через Ливонию он их уже удлинит, – осторожно заметил воевода. – И туда поплёрли всякие рыцаришки со всех полуночных стран, стало быть, с русичами воевать. Ну а для чего иначе? – заметив неверие в глазах князей, веско добавил он. – У нас-де вера несправедная, а ихняя куда как хороша! Только шиш им! Бивали мы их, и не единожды. Бахвальства в них много, а истинной доблести мало.

– А вот это уже серьёзно! – воскликнул Ингварь Игоревич. – Откуда такие сведения?

– Да всё от новгородского Никодима.

– Вот что, Лев Гаврилыч, – решительно сказал князь Юрий. – Поговори с этим новгородцем подробнее, затем всё изложишь нам.

– Отныне новины такие и подобные им следует знать доподлинно.

Лев Гаврилович опешил.

– Государи мои, я и не вникал толком...

– Мы решили, что такие новины могут быть нам полезны, – заявил Ингварь Игоревич. – Живём ведь с краю земель русских, а то, что приключилось рядом, может коснуться нас рано или поздно. Смотря как оценивать возможную угрозу. Смекаешь?

– Я-то смекаю, но в толк не возьму, каким образом всё это касается меня – боевого воеводы.

– Прекрасного воеводы, опытного, умного и смелого воина, – похвалил князь Юрий. – Потому и решились мы доверить тебе новую службу.

– Довольно тебе уж с дружинниками вожжаться.

Князь Ингварь положил ему руку на плечо.

– Мы решили заново учредить тайную княжескую службу... Была такая при нашем пращуре Ярославе Святославиче – первом рязанском князе.

Он вздохнул с сожалением.

– Вот и получается, что новое – это хорошо забытое старое. Эх, ранее бы её возобновить, а то окромя дальних сторож!.. – Он махнул рукой, внезапно замолчав.

Юрий Игоревич продолжил:

– Дело тайное, дело многотрудно, и возглавить его надлежит тебе.

Коловрата будто кто ослопом по голове огрел, в глазах потемнело.

– Государи мои! – прошептал горячо. – Да какой из меня прелагатай (*соглядатай*)?! Я – воин, я всю жизнь свою посвятил служению вам в бранях да на сторожах!

– Ворога бить сподручно и должно, коль он проявится, – мягко перебил его князь Ингварь. – А ежели нет? Шпыни по землям нашим разгуливают, знают о нас всё, сказывают обо всём неприятелю, а мы их не ведаем... Каково?

– Потому и доверяем тебе новую службу, – твёрдо сказал князь Юрий. – Ранее делом таким занимались дозорцы дальние да гости, по доброй воле служившие Рязани-матери. У Василька Константиновича прелагатаями руководит друг твой Александр Леонтьевич Попо-

вич. У киевского Мстислава, опять же, твой старый знакомец – воевода Иван Дмитриевич. Оба – опытные ратники. Стало быть, дело стоящее и нужное отчине... Махать мечом оставь молодшим, у них лучше получится. Ныне головой послужишь...

– Зря вы так, князья честные, – насупился Коловрат, – я ещё...

– Прости, Лев Гаврилыч, речь о том, что в этом деле твой главный меч – опыт, смекалка и ум, – улыбнулся князь Юрий горячности воеводы. – В древние времена Игоря да Святослава разведка была головой всего войска: прежде чем в бой идти, про неприятеля выведывали всё – направление движения, численность войск, цель наступления... Вот мы и хотим всё это поставить на должную основу. В средствах тебя никто ограничивать не станет – дело государственное.

– Им заниматься, – добавил князь Ингварь, похлопав по плечу Льва Гавриловича, – добрая голова нужна, воевода, а она не у всякого ратника имеется, иному силы да умения быстро повиноваться хватает. Мудрость опять же...

Он тяжело вздохнул, прижав правую руку к левой стороне груди, и присел в кресло.

– Мудрость, Лев Гаврилыч, есть потреба ума, а не сильных рук. У иного она ещё в молодшем возрасте проявляется, у кого-то попозже, кого-то и вовсе стороной обходит. А вот мудрость в сочетании с силой даёт нам и бояр и воевод, стало быть, людей, подобных тебе, которые могут делом руководить. Помню рассказы стряя нашего Святослава Глебовича о тебе в первом бою...

– Где уж там! – махнул рукой Коловрат. – Вспомнить совестно.

– Ан нет! – твёрдо возразил рязанский князь. – Стыдиться нечему. Ты ворога не утрашил, проявил зрелую храбрость. И далее, уже в составе дружин, воевал не токмо руками, но и головой.

– Теперь голова твоя, твой опыт, умудрённый годами, понадобились нам, – добавил Юрий Игоревич, с тревогой взглянув на брата, тот махнул рукой, мол, так и есть. – И подручные твои должны быть под стать тебе... Кто-нито есть на примете?

Коловрат поник головой, понимая, что всё решено и ему остаётся только покориться княжеской воле. Да и дело, если вдуматься, взаправду наиважнейшее.

Он вздохнул.

– В первую очередь Вадим Данилыч Кофа – голова и лихой воин! Греческий и половецкий разумеет.

– Знатно! Будешь примечать тех, кто в иноязычной речи силён. Евпатия своего не думаешь привлечь? Тоже ведь греческий ведаёт, – полюбопытствовал Ингварь Игоревич.

– Молод, – отвечивал Коловрат. – Да и в иноязычной речи не так уж силён... Пусть в ратях прославит себя, опосля поглядим.

– Молод? Так Вадим Данилыч всего на пяток годков постарше. Да и в боях Евпатий показал себя удальцом.

– Молод, – повторил Коловрат. – Пусть воином остаётся покамест.

– Брате, как мыслишь, не засиделся ли Евпатий в дружинниках? – нарочито громко поинтересовался Юрий Игоревич.

– Думаю, достоин возглавить десяток бойцов.

Так Лев Гаврилович стал воеводой тайных дел при рязанском князе, а его сын Евпатий – десятником.

Тайная княжеская служба расположилась в Межградье, неподалёку от Подольских ворот. Место удобное, рядом со Средним городом и княжым дворцом.

Этот обширный амбар, обнесённый высоким частоколом, рубили из массивных берёзовых стволов. И первоначально предназначался он для хранения всякой княжеской рухляди: мехов и тканей, одежд и обуви, также различного ратного вооружения – кольчуг, панцирей,

мечей, луков и арбалетов, – всё для даров союзным князьям и нужд посольских: Рязанское княжество поддерживало торговые отношения с восточными странами по Великому Волжскому пути, с Византией, Болгарией.

Изначально место это задумывалось как тайное, хорошо охраняемое. Систему постов и секретов оставили прежнюю, но значительно усилили.

Бережению рухляди отвели помещение в самом княжеском детинце, а в этом теперь формировали маршруты сторожей, беседовали с богатыми купцами (гостями), отправляющимися в иноязычные страны; испытывали тех, кто изъявлял желание стать прелатаем; выслушивали донесения вернувшихся...

Внешне всё выглядело обыденно: амбар как амбар. Только на втором этаже Лев Гаврилович распорядился прорубить несколько окошек.

– Не в темнице же, – сказал при этом. – С ясным солнышком завсегда веселее...

Добавим, что доступа сюда не имели даже многие из высоких рязанских бояр.

Сыну Лев Гаврилович сразу сказал: – Князья радели за тебя, мол, Евпатия тоже надобно пристрастить к тайной службе...

– А ты, батюшка? – с надеждой спросил Евпатий.

– А я сказал, мол, рано, мал ещё да зелен. Мечом размахивать да сулицу метать способен, а на что другое пока что негож.

Евпатий насупился, лицо стало покрываться красными пятнами, на глазах выступили непрошенные слёзы.

– Батюшка... – прошептал умоляюще.

– Пошто посуровел да слезьми налил? Нешто лука объелся? А? Матушка, глянь, наш отпрыск родительским решением недовольтвуется.

Лев Гаврилович подошёл к сыну, взял перстью за подбородок и чуть потянул вверх.

– Зри мне в очи, сыне, – сказал властно. – Желая, чтобы запомнил ты на все времена едину истину: не мы в отчине нашей, но она в нас самих. И службу ей нести способно там, где ты более всего надобен.

– Да, батюшка, – кротко отвечал Евпатий.

– Ты в половецкой речи превзошёл? Сможешь на языке том поганом поговорить с Вадимом Данилычем?

– Ну... так...

– То-то и оно, что так: с пятого на десятое. Понимаю, превзойдёшь... Но превосходить поганую речь половецкую надобно уже нынче! Она для нас, рязанцев, должна стать второю родною, покуда мы с нехристями этими граничим! И греческому языку следует поучиться у братки своего Дементия, который в нём доподлинно искусен. Зачем? Не ведаю! Вадим Данилыч крепко баёт на нём, друже мой Олёша Попович шибко любит книжную премудрость всяческую, в том числе и греческую. Стало быть, и сын мой тоже должен язык тот свистячий осилить всемерно.

Он передохнул немного, присев у большого стола и пригубив кваса из ковша.

– Вот тогда и подумаем о тайной княжеской службе, – продолжил неспешно. – Помни, дитяtko, лучших сынов рязанских буду собирать. Лучших! Одним из лучших и надобно сделаться. Да, десятком ты правишь разумно, Дикое поле ведаешь, хоть частями, но ведаешь. Но ты пойми, сыне, что в нём надобно, как в избе своей, по всем её углам, чтоб никакая сволота поганая тебя перехитрить была неспособна!.. Верую, свято верую в то, что станешь ты и сотником, и воеводой, ещё и место моё займёшь. Ты – плоть от моей плоти и кровь от моей крови... И помни, что не будь меня, не было бы и тебя.

Он рассмеялся по-доброму, приобнял сына, потом похлопал по плечу, со словами:

– Покамест место твоё с твоим десятком... Ступай.

Евпатий воле родительской был послушен. Более того, с годами он всё яснее осознавал, до какой степени становится похож на отца: так же стремится к постижению воинского ремесла; так же рачителен и хозяйственен. Да и полюбил точно так же: раз и навсегда, верно и глубоко. Он искренне и горячо благодарил Вседержителя за то, что у него такой отец – и воинский начальник и родитель; над отцом – рязанский князь, над которым лишь матушка-Рязань да Господь Бог. И все они составляют единое целое, имя которому – русская отчина.

От природы обладая острым умом, умением самостоятельно принимать непростые решения в сложных положениях, Лев Коловрат тем не менее к воплощению замысла князей приступил с осторожностью. Да и дело было непростым, со множеством всяческих закавык. Теперь даже общение с заморскими гостями-купцами стало необходимостью. А когда свои торговые люди отправлялись в дальние страны, каждого лично просил посмотреть во все стороны, примечать и запоминать либо записывать в тайный пергамент.

Нынче в его ведении находились и все рязанские сторожевые заставы. Он решал, где усилить, сколько людей куда послать, посылать ли вообще.

Чем больше Лев Гаврилович ведал разведкой, тем больше начинал понимать всю важность и необходимость такой службы. Вскоре поступление различных сведений из дальних сторон налажилось. Он теперь знал, что творится внутри русских княжеств, ведал об истинных причинах того или иного недружелюбия князей. Аппетиты немцев-меченосцев, ляхов-католиков, равно как и литовцев-язычников, ему тоже стали ведомы, как ясен Божий день.

...Но вскоре все заботы пришлось отложить в сторону и сосредоточиться на вновь возникающей угрозе, имя которой «монголы». Слишком резво они разделались с Хорезмом, персидской армией, побили грузин, одолели союзных горцев с половцами и оказались в Диком поле.

Два десятка прелагатаев были посланы Коловратом в Ширванский Дербент, Ассские (Кавказские) горы, половецкие владения и русские южные княжества. Но, когда ему довели истинное число отряда монголов, доподлинно выведали, что следом не движется и даже в нескольких днях пути не наблюдается большое войско, он засомневался в правильности приложения усилий.

Любое из шести «набольших» княжеств Южной Руси, учитывая дружину и ополчение, способно было выставить по тридцать – сорок тысяч ратников.

Другое дело, что о самом царстве монголов надо было разузнать побольше. На том и сосредоточил усилия.

Блюсти рубежи

Вадим Данилович Кофа вошёл в горницу и застал воеводу Коловрата склонившимся над пергаментом, на который были нанесены все русские княжества и ближние иностранные владения.

– Я здесь, Лев Гаврилыч... Что срочного приключилось?

– Днесь был у меня Добрыня Злат Пояс от Олёши Поповича...

– Сам Добрыня?! – восторженно вскричал Вадим Данилыч. Смутившись своей ребячьей пылкости, тут же добавил степенно: – Грядут новые заботы?

Лев Коловрат доверял своему молодому помощнику.

– Нет, скорее прежние, – ответил, немного подумав. – Однако с небольшими оговорками... Садись на скамью поближе к пергаменту.

Воевода Кофа повиновался.

– Долго беседовали мы с Добрынюшкой, вспоминали минувшее. – Лев Гаврилович вздохнул с глубоким сожалением. – но день нынешний и грядущий тоже не забывали. Как известно, разведкой в Ростове Великом ведает Александр Леонтьевич, вот через Добрыню он кое-что мне и передал. Зри.

Лев Гаврилович пододвинул карту ближе к своему помощнику.

– Север и запад наших рубежей покудова нехлопотен, но всю его выгоду с лихвой перекрывает треклятый юг и ещё более треклятый восток. Выросло в размерах княжество Рязанское, только успевай от рубежа к рубежу.

Он осторожно указал пальцем в карту и сказал выразительно:

– Ныне вот это место становится кровоопасным! Это часть нашей отчины, которая врежется во владения мещерских князьков и мордовцев эрзя. С этой северной мордвой ныне хлопот не оберёшься. Их инязор (*князь*) Пургас заключил ряд с булгарами, что для нас туга великая, булгарам всё неймётся, мало их били...

– Булгары скоры воевать руками мордвы либо половцев, – справедливости ради заметил Вадим Данилович. – Всё на чужом кострище руки греет эта сволота бесерменская. Но с мордвой ранее особых хлопот не случалось.

– Ранее едины были они, сильны и спокойны. С нами дружить пытались. Ныне их единство завершилось, разбились на северных и южных, зовуемых мокша, во главе с инязором Пурешем...

Лев Коловрат изрядно поморщился.

– Прости Господи, то эрзя, то мокша, то Пургас, то Пуреш!.. Клички какие-то собачьи, а не имена. Так вот, южные пошли на союз с государем владимирским Юрием Всеволодовичем и ныне будут служить добрым заслоном и от половцев, чтоб им пусто было, и от своих же эрзя. А у тех кулаки зачесались ровно после того, как на мордовских землях, у слияния нашей матери-Оки и Волги, государь владимирский заложил Новый град. На кой ляд ему понадобился град сей, я не разумею, но ныне из-за него разгорается весь сыр-бор.

– Пошумят и разбегутся, они бортники и пахари знатные, но воинство из них пустяшное, – сказал Вадим Данилович. – Более способны к татьбе.

– Их недооценивать нельзя, – ответил Лев Гаврилович. – На то мы у князя рязанского и несём свою службу, чтобы предусматривать возможное и учитывать невозможное. Посему количество сторож на востоке надобно усилить. Старшим там определи сотника Окула, многократно опытен и сведущ.

– Добро, Лев Гаврилыч, – отвечал воевода и хитро прищурился. – Мне блазится аль нет... Ты в отъезд собрался, что указания далекоидущие раздаёшь? А нельзя ли повременить с отъездом-то? Не ко времени.

– Ты мне ещё поговори, – пригрозил Коловрат. – Не меды распивать собираюсь.

– Прости, Лев Гаврилыч, – поёжился воевода Кофа и тут же взмолился: – Так уж растолкуй тогда!

– Монгольская угроза! – сказал Лев Гаврилович с пренебрежением. – Весь юг Руси великой вопит об этой угрозе. Дескать, вторжение, ратуйте... Дошло до того, что в Киеве князья собираются на совет, от Мстислава Романовича уже направлены гонцы во все русские города. От князя Мстислава Удатного тоже гонцы повсеместно разосланы, там кто кого опередит... Как дети, ей-богу! Ну, ежели серьёзная угроза внешняя, так и будьте мужами достойными, а их соперничество дитячьим остаётся...

Вадим Данилыч понимающе молчал.

– Ох и заведёт оно их когда-то в лес дремучий, – сердито продолжил Коловрат, но тут же поправился: – Судить-рядить княжеские распри нам с тобой не с руки, однако... Не думаю, что на княжеском совете будут какие-то неожиданности. Урядят собрать войско, пойдут на монголов, всяк сам по себе, станут пировать да добычей равняться.

– Чаете, великий князь владимирский на совете в Киеве будет? – улыбнулся Кофа.

– Наверяд ли, один из владимирских полков пойдёт на Ливонию, совместно с псковским Владимиром и новгородским Всеволодом. Пусть потреплют меченосцев, а то они резвы стали непомерно. Да и не пойдёт Юрий Всеволодович в Киев, ведь его позвали как равного среди равных. А это ему равно нож в сердце.

Сказано было непонятно, то ли с сожалением, то ли с осуждением. А сам внимательно разглядывал место на карте, изображающее Ливонию.

– Господи! – вздохнув тяжело, продолжил Лев Гаврилович. – С тех пор как епископ Альбрехт, с благословенья папы Иннокентия, создал этот сатанинский орден, который они бахвалы называют «божьим», кто ж мог подумать, что он для русичей станет таким тяжким бременем?.. Ты только глянь, воевода, на этих бахвалов!

Он указал на карту с таким видом, словно «бахвалы» сей момент находились именно там.

– Для северо-западных земель тяжелее бремени не сыщешь. И ведь лезут со своим латинским крестом, лезут везде и всюду. Ну на кой нам ихняя вера, когда у нас есть своя православная, – согласился Вадим Данилович.

– А ведь римский папа, заполучив ливонские земли, уже начинает смотреть и на русские княжества как на свою возможную вотчину, – задумчиво произнёс Лев Гаврилович. – Мол, ляхи тоже сперва крестились по византийскому обряду, а потом по латинскому... Прости Господи этих хриstopродавцев, у них даже крещение двойное! Отсюда и души их двойственные проистекают.

– Мы не ляхи какие-нибудь, у нас слово одно и вера едина, – подтвердил Вадим Данилович. – И у пап этих римских была возможность проверить нас на крепость веры. Надеюсь, ещё будет.

– Пытаться будут, конечно, – сказал Лев Коловрат. – Особенно там, где русичи в рубежах с католиками.

– Новгород и Псков, Галич и Волынь?

– И не только, сам знаешь, у нас весь запад и северо-запад в таких границах, стоит только глянуть на пергамент. Нахлабаемся вдосталь...

Лев Гаврилович рывком поднялся со скамьи, сцепив руки за спиной, дважды прошёлся вдоль горницы, что-то обдумывая, и только потом сказал воеводе:

– В Киеве собирается совет княжеский... Почти что в то самое время и у нас близ Владимира станет проистекать совет русских витязей.

Воевода Кофа искренне удивился:

– Не понимаю... Слыхивать приходилось, но особого доверия к слухам тем я не питаю, ан вот что! Это у нас нечто навряде рыцарского ордена? И ты в нём, Лев Гаврилыч?!

– Да, Вадим Данилыч. Про то открываюсь тебе по надобности, не всем ведать с руки... А что касательно рыцарей западных с их сраными орденами, дружина витязей – это... – Он немного подумал и твёрдо добавил: – Это витязи-доброхоты, а не захватчики-наильники. Как-нито обскажу в подробностях, ныне времени жаль.

– Добро, Лев Гаврилыч, – серьёзно ответил воевода Кофа и по-отрочески восхитился: – Ох и завидки меня берут!..

– Какие твои годы? Воин ты доблестный, думающий, а не просто для замашек мечом.

– Спаси Боже, Лев Гаврилыч, твоё слово золото и мне дорого.

– К концу капельника-марта едем, – сказал Коловрат. – Недалече от Юрьева-Польского у Александра Левонтича есть городище на речке Гзе. Ты остаёшься главным. Евпатия беру с собой.

Он подошёл к столу, на котором лежали свитки, взял один из них.

– Вот она, грамотка от Олёши Поповича.

– Для пущей важности? Тебя же и враги и друзья в лицо знают.

– Русь велика, витязей много...

– Хотел бы и я когда-нибудь такой пергамент получить.

– Ещё успеется, получишь... Государю Ингварю Игоревичу и князю Юрию Игоревичу я всё уже изложил в подробностях. Они изъявили своё доброе согласие... Скажу тебе, Вадим Данилыч, как сродственнику, да и доброму другу.

Голос Льва Гавриловича помягчел и потеплел.

– Я-то ненадолго, ныне недужен, знать, отслужил своё в дружине витязей русских. А вот Евпатий там останется заместо меня... Сын теперь в ответе и за моё доброе имя, и за честь русского витязя.

– Елена затоскует, – осторожно заметил Вадим Данилыч.

– Елена – его опора и надёжный тыл, она супруга. – Лев Гаврилович улыбнулся. – Сильна она, ох и сильна! Сдюжит... Теперь внимай как можно шибче, запоминай каждое моё слово.

Коловрат обвёл открытой ладонью всю карту и сказал:

– В связи с тем, что в половецких степях появились эти самые монголы, их немного, но морока может приключиться, нам надлежит усилить меры безопасности. Кто его знает, возможно, где-то там недалече и большая орда кочевников тащится...

– Понимаю, Лев Гаврилыч, как ты сам говоришь, безопасность лишней не бывает.

– Вот именно! Нам с тобой должно блюсти рубежи княжества. Поэтому здесь, здесь и здесь, кроме тех, что для мордвы, надобно усилить сторожи. И в первую очередь на рубежах черниговских. Шли туда дополнительную сотню. В половецкое поле – людей в усиление. Всех держать до особого княжьего распоряжения. Каждодневно присылать гонцов для оповещения.

Уже через час по бревенчатой мостовой застучали многие копыта лошадей.

Десятки и сотни выдвигались по месту назначения.

Мятежная Рязань

Неизвестный летописец, сидя в холодной монастырской келье, освещённой только чахлой лучиной, старательно выводил буквы:

«Беда пришла на рязанскую землю, ибо нет в ней правителя, а тати поганые набегают безнаказанно. И когда тому станет вершие, ведаёт только Господь наш Вседержитель да великий князь владимирский Всеволод Юрьевич».

Среди груд свитков, харатий и кусков папируса, в чахоточной пыли и монашеском убожии зарождалась мысль, которой суждено пройти через века и в первоизданном виде сделаться достоянием потомков.

«В миру шумят жития: князья бранятся, смерды гнут хрип, всечасно творится зло и неправедные деяния; темнеет лик простого ремесленника и чёрного смерда от горестных трудов... Но летописцу надо свершать своё, ибо его немолчное свидетельство завещано самим Господом, давшим счастье постичь тайну нанесения словес на пергамент.

Кто поведаёт миру о землях русичей, кто без ущерба истине расскажет о её нынешнем и прошлом? А ведь нам так необходимо знать своё прошлое, каким бы горестным оно ни было. Ибо страна без прошлого – безжизненная территория, подобная телу без души.

Ушёл человек, как никогда и не бывало. Остался только холмик земли, прикрывший ту скорбную юдоль, в которую он спустился в последний раз, чтобы уже никогда из неё не подниматься... Что есть мы в своей убогости телесной, а что есть наша безмерная отчина? Да будет всегда над ней Свет Божий! И да прославится она во веки веков. Аминь».

В Древней Руси во всех монастырях был свой летописец, который записывал происходящее, порой следуя указке правителя, порой по своему собственному почину. И если бы все эти записи дошли до наших дней, мы могли бы иметь полную картину гораздо более древних лет, но увы...

Безжалостные пожары бесконечных человеческих войн, в горниле своём уничтожая бесценные рукописи времён, делают невозможным познание исторической истины, которую потом исконные враги Отечества пытаются всячески исказить и фальсифицировать в своих нечистых целях.

Прошлые пожары нынче отзываются незнанием и заблуждением соотечественников, равно как и злопыханием чужаков.

...Игумен Арсений покосился на тщедушного монашка, переломившегося в поклоне.

– Не мне, грешному, усердно так надобно кланяться, а Господу нашему, дабы вразумлял почаще... Лучше дело сказывай, Епифаний.

– Наказ твой выполнен, отец настоятель, сказание составлено.

– Велю: садись и чти.

Монашек присел на лавку за дубовым столом и развернул харатью.

– Чти с выражением, дабы всяк недочёт ясен сделался, ибо летописное то сказание вершится по указке самого князя рязанского Романа Глебовича, – назидательно произнёс игумен.

Богословской обители, расположенной от столицы княжества в двадцати пяти верстах вниз по течению Оки, исполнилось всего пять лет, а её основатель и бессменный игумен Арсений уже был почитаем всеми окрестными жителями за подвижника, чуть ли не святого.

В монастырь за последнее время несколько раз наезживали и рязанские князья. Пили из святого источника, дивились на кельи первых монахов, вырытые глубоко под землёй, истово крестились на чудотворную икону апостола Иоанна, писанную в Византии шесть веков назад.

Рязанскому князю и его братьям игумен пришёлся по душе: вёл себя уважительно, но с осознанием собственного достоинства, предназначённого высоким духовным званием, прописных истин не изрекал, но оставался интересным собеседником; золотых иконок на себя не вешал, крест на нём был обычный оловянный, ряса суконная. Сразу заметно, что о собственном благе игумен Арсений печётся менее всего. Даже его келья, расположенная в одной из построек, мало чем отличалась от братских, разве что была чуть подлиннее да украшена резными полками для книг и свитков.

– Отче, велишь починать? – тихо спросил монашек.

– Да, дитятко, починай, – задумчиво ответил игумен.

Он знал, о чём пойдёт речь, ибо сведения для летописания почерпывались со слов самого рязанского князя Романа Глебовича.

Его составление и запись были поручены Епифанию, которого за неуёмную жажду знаний и страсть к письму игумен Арсений прочил в монастырские летописцы.

– «Храни, Господь Вседержитель, Рязань-матушку и её богонравного князя Романа Глебовича! – торжественно начал Епифаний. – Ещё не простёрлась над рязанской Украиной благодать христианской веры, а первый рязанский князь Ярослав Святославич, во имя Господа потерявший единородного сына Михаила, вступил в богопротивный град Муром с иконой пресвятой Богородицы. И укротились язычники и крещены были в водах Оки, яко кияне Владимиром Красно Солнышко во Днепре. И воды враз сделались небесно-голубыми и сияли многократно...»

История рязанских правителей была изложена подробно, ничего не упустил монашек, можно поощрить.

– Покудова довольно, – устало молвил игумен. – Хвалю за труд сей! Теперь поди, думать стану...

Епифаний вышел из покоев игумена окрылённый.

«Ишь ты, будто вырос на вершок и могучей стал, – по-доброму улыбнулся отец Арсений, – доброту исторгая, мы приближаемся ко Господу».

Это были слова преподобного Антония Печерского, которого Арсений считал своим духовным прародителем.

И в полной мере повторил его земной путь. Так же, как Антипа (мирское имя святого), горя желанием увидеть места земной жизни Иисуса Христа, посетил Палестину. На обратном пути принял пострижение на горе Афон, в том же монастыре, в котором обретался святой Антоний, с названием Эсфигмен (восточная часть Афонского полуострова), где прожил несколько лет в уединенной пещере, которую выкопал своими руками.

Арсений горел желанием духовного подвига. Русь полюбил издалека и только за то, что язычники избрали свет православия. Уроженец Никеи никогда не бывал в земле русичей, но именно там подвизался Антоний, именно туда нёс свет афонского монашества. И Арсений испросил благословение игумена Никифора отпустить его в Русскую землю, где «вера во Христа ещё непрочна». Он грезил созданием такой обители, которая могла бы сравниться разве что с Киево-Печерской, которую создал святой Антоний. Игумен благословил и подарил икону апостола Иоанна, написанную еще в VI столетии в Византии мальчиком-сиротой. Икона была удивительной, её краски, несмотря на прошедшие шесть веков, сохранялись яркими и свежими, а лик апостола выглядел настолько живым, что казалось, будто от него исходит сияние.

В спутники Арсению игумен определил инока Андрона – огромного детину с пудовыми кулаками, однако кроткого и молчаливого.

В Киеве, после разговора с митрополитом Никифором II и епископом Черниговским и Рязанским Порфирием, Арсений отправляется в Рязанское княжество.

...Весной 1192 года в долину Оки, что на двадцать пять вёрст ниже стольного града, подалее от глаз людских, градов и весей, пришли два греческих монаха.

Места необжитые, с непуганой дичью, реками и озёрами – полными рыбы, лесами и рощами – изобилующими грибами и ягодами.

Подобно птичьему щебету услышал Арсений звук из чащобы, то звучал источник, исторгая из глубоких недр чистейшую влагу, и тогда понял, что лучшего места для обители не сыскать. Источник был дивен, вода в нём казалась прозрачно-голубой, порывами светилась изда-лека подобно пламени.

И уверовал Арсений в святость обретённого места!

И принялись монахи за дело, стали копать себе жилище на склоне холма, сплошь поросшего дубом, не зная дня и ночи.

Так было положено начало первому на Рязанщине Иоанно-Богословскому монастырю.

Постепенно к ним стали приходить люди: охотники, рыбаки да бортники, ищущие Бога посадские, бежавшие от злых бояр смерды. Некоторые селились рядом, выкопав себе жилище в земле.

Когда число братии возросло многократно, решили поставить малый Иоанно-Богословский храм с малой же колокольней.

Колокол на неё прислал рязанский князь Роман Глебович. Он же отписал монастырю находившиеся рядом уголья с полями, озёрами и лесами.

...Немного забегаая вперёд, скажем, что для Руси, в большей мере для Рязанского края, имя Арсения стало духовным знаменем, а жизнь его, целиком отданная православной вере, – примером для подражания. Таким же, как для него было имя Антония Печерского.

...Уместно вспомнить о том, что рязанский княжич Роман доводился зятем великому князю черниговскому Святославу Всеволодовичу. Подобное родство не волновало бы последнего ещё долгое время. Но, когда в княжеский детинец примчался взмыленный гонец с вестью о том, что половецкие орды заполонили всю Рязанщину и вплотную приблизились к границам Черниговского княжества, великий князь не на шутку встревожился. В его планы такое развитие событий не входило, напротив, он мечтал о том, что поможет зятю выйти из владимирской темницы, занять княжеский стол... И благодарный Роман будет ему во всём послушен на веки вечные. И земли рязанские станут едиными с черниговскими, как уже случалось в далёкой старине, явив всему христианскому миру государство невиданной мощи и богатства.

«И то – пора дать укорот этому владимирскому гордецу!»

Но пока войско владимирского князя является самым боеспособным и многочисленным, надо действовать хитро и разумно.

«Пора вызволять зятя, – лихорадочно думал князь Святослав. – Занесла ить нелёгкая к самому Большому Гнезду. В самое его гнездо. Тоже мне гнездо – двенадцать детей. У других поболее, и никто „большим гнездом“ не величает».

Уверенный в том, что только через зятя можно прибрать к рукам рязанские земли, великий князь черниговский срочно снаряжает посольство к владимирскому князю Всеволоду Юрьевичу, во главе которого становится Черниговский владыка Порфирий, а также игумен Елецкого монастыря Ефрем.

– Господом Богом молитесь князя освободить милого сердцу зятя родного! – слёзно просил владыку.

Епископ прищурился.

– Похвально твоё христианское милосердие, великий князь, – сказал он. – Но не поздно ли ты вспомнил за мужа дочери своей?

«Тебя забыл спросить, святоша ромейская!» – досадливо подумал Святослав, а вслух сказал как можно смиреннее:

– В самый раз, владыка! Время пришло, иначе Рязань на веки вечные ляжет под половецкие копыта, а там и нашим землям возникнет немалая угроза.

– Князь владимирский не попустит такого! – встрял игумен Ефрем.

– Уже попустил... Паче того, способствовал половецкому нашествию, Рязань обескровив.

– Он великий гордец, – ответил владыка Ефрем. – Станет ли слушать нас?

– Станет! – воскликнул князь Святослав Всеволодович. – Вы – особы духовные, и ваша власть самим Господом осияна! Вызовьте мне зятя. А Всеволоду скажите, мол, князь черниговский поможет ему и воинами, и конями, и снаряжением... Пусть и он не откажет в помощи, дабы одолеть поганых.

Всеволоду Юрьевичу стало лестно, он внял мольбам двух иерархов, ровно ничем не рискуя: Рязань всё так же оставалась под его высокой рукой.

А вот для княжича (теперь уже князя) Романа настала пора испытаний. Он должен был доказать всем, что способен стать опорой и мощью рязанских земель, он обязан выполнить отцовский завет...

Умирая, Глеб Ростиславич призвал его и сказал:

– Ухожу вот, сыне, в чертоги небесные. Заповедую не дать половецким грабителям овладеть хоть пядью рязанской земли... – Перевёл дыхание и продолжил: – Игорь и Святослав – твоя опора, на Владимира и Всеволода не надейся, отдай им Пронск, пусть сидят себе тихо. С муромским Владимиром заведи дружбу... – Поманил слабеющей рукой наклониться пониже и прошептал в самое ухо: – Силы копи, обрастай людьми верными, Рязань от Владимира вызволи. Успеешь – сам сделай, не успеешь – детям заповедай...

Вернувшись в отчину в 1179 году, князь Роман собрал всех охочих людей, свою дружину усилил черниговцами и владимирцами и пошёл против половцев. В ответ они яростно ошетились конницей, завыли страшно, пугая недругов, но были мгновенно смяты, биты, изгнаны за пределы. На несколько лет южные рубежи княжества обрели устойчивый покой.

Рязань смогла передохнуть и заняться внутренним устройением. Князь Роман назначал воевод по городам, посадников и тиунов, обязав последних наипаче взыскивать подати. Насущная необходимость получения средств повлекла за собой желание перераспределить волости, а его попытка стала причиной конфликта между Романом и его младшими братьями Всеволодом и Владимиром, владевшими богатым городом Пронском. Причем в этом конфликте на сторону Романа стали братья Игорь и Святослав.

Союз старших Глебовичей поддерживал черниговский Святослав, всё ещё жаждавший возродить свое былое влияние на Рязань.

Младшие обратились с жалобой к великому князю владимирскому Всеволоду Юрьевичу, однако без особого успеха.

Отметим при этом, что страсть одного из младших Глебовичей – Владимира – к интригам передалась его детям, которые впоследствии не раз порушали покой родного княжества.

Братская распря продолжалась несколько лет при миротворческом посредничестве церковных иерархов и активном подстрекательстве извне. Выждав момент, великий князь черниговский решился выступить против владимири-рязанских полков. Это произошло на реке Влене и закончилось для черниговцев плачевно.

Соглашение с Владимиром полностью изменило бывшие «добрососедскими» отношения между Рязанью и Черниговом. Не следует забывать и то, что там и там княжили близкие родственники. Возникли разногласия, происходили частые споры из-за границ, которые ещё толком не определили.

Ольговичи черниговские превратились в ярых врагов рязанских Глебовичей, а союзниками и друзьями стали смоленские Ростиславичи.

Положение вроде бы и сохранялось равновесным, более того, могло склониться в сторону рязанцев, но тяжкой ношей для них было то, что по церковной иерархии Рязань вместе с Муромом, Новгородом-Северским и Черниговом составляли одну епископию. То есть подчинялась Черниговскому епископу, который в свою очередь полностью зависел от милостей князя черниговского. Рязанцы всеми силами хотели освободиться от подобного влияния. Для создания самостоятельной Рязанской епископии требовалось согласие Киевского митрополита, а значит, и киевского князя. А это по возникшему тогда политическому раскладу оставалось лишь несбыточной мечтой.

В 1198 году рязанцам повезло два раза, они породнились со смоленскими князьями, Рюрик Ростиславич отдал свою дочь Всеславу за младшего Глебовича – Ярослава, а, будучи к тому времени киевским князем, заодно одобрил разделение Черниговской епископии, склонив к такому решению митрополита Иоанна.

В сентябре 1198 года первым Рязанским епископом стал игумен Арсений.

И это стало событием огромной важности. Независимость церкви – первый шаг на пути превращения не приметного городка в столицу великого княжества.

Ростов Великий

1

Александр Леонтьевич Попович в который раз за последнее время проснулся от собственного крика.

Удары сердца походили на глухой и частый стук лошадиных копыт, такой громкий, что оставалось лишь удивляться, отчего сердце не лопнуло совсем, раздавленное теми копытами; холодный пот выступил по всей плоти, а в голове длинно и раскатисто звучал набольший колокол...

Прижал к вискам ладони и так посидел немного, раскачиваясь взад-вперёд.

Постепенно, понемногу, по чуть-чуть дурнота стала отступать.

Посмотрел по сторонам: лавки, на которых, укрывшись овчинными полушубками, спят княжеские дружинники, по стенам висит оружие. Гридница.

Скупые лучи рассвета едва пробивались сквозь слюдяные окошки.

...Опять ему снилась гибель младшего брата Ивана в той злосчастной, злополучной Липицкой битве.

«За что, Господи? Почему?» – неведомо кого спрашивал Александр Леонтьевич, не надеясь получить ответ.

2

Повествуя о событиях того далёкого времени, рассказывая о городах средневековой Руси, нельзя не упомянуть Ростов Великий, в котором родился, жил и служил Александр Попович, ставший легендарным витязем ещё при жизни.

«Великим» град сей назвал великий князь ростово-суздальский Юрий Владимирович Долгорукий. Ох и богонравен был князь, ой христолюбив! Назвал-то, должно быть, в страстном порыве либо слукавил по привычке. «Великим» нарёк, но свою пышную княжью резиденцию из Ростова перенёс в Суздаль, вероятно, по острой необходимости, но и это лишь означало, что выбор городов в княжестве был обширен: Ростов – прекрасен и многолик, как зеркало венецианское, Суздаль по-русски бесшабашен и бесподобен храмами великолепными да монастырями цветущими.

Русь-матушка в те далёкие времена являлась страной городов. К концу XI века их было около девяноста, к концу XII века насчитывалось более двухсот. В первую четверть следующего, XIII века появилось ещё тридцать два...

Юрий Владимирович был истинным градостроителем и рачительным хозяином, укреплял старые, возводил новые: Переяславль-Залесский, Юрьев-Польский, Дмитров, Константинов, Москва и другие.

Подчеркну, что все эти крепости-поселения образованы в бытность князя Юрия Долгорукого правителем Ростово-Суздальского княжества.

Значение самого Ростова в этих окраинных землях действительно было великим. Это проявилось прежде всего в том, что в разное время градом управляли князья, чьи имена стали притчей во языцех древнерусской истории – это и молодой Ярослав, тогда ещё не «Мудрый», и князь-мученик Глеб.

Сын Юрия Долгорукого, старший брат Всеволода Большое Гнездо Андрей Боголюбский перенёс великокняжеский престол из Киева во Владимир, что повлекло за собой его дальнейшее развитие и упрочение: возводились новые храмы, крепости, гражданские сооружения.

Одновременно стали меняться в лучшую сторону и значительно укрепляться города княжества, Ростов Великий в первую очередь.

Но пика наивысшего расцвета град достиг в годы правления Константина Всеволодовича, который родился в Ростове и очень его любил.

Тогда укреплённая часть города вместе с валом и рвом превышала сотню гектаров. Улицы и переулки были покрыты деревянным настилом. Территория вокруг Успенского собора – первого христианского храма на северо-востоке Руси – вымощена камнем.

В Ростове процветали ремёсла, торговля. Центр города украшал кремль, не в пример другим древнерусским городам, являющийся резиденцией Ростовских митрополитов с конца XII века, когда Ростов, в своё время прославившийся «восстанием волхвов», стал епархиальным центром.

Вызывает восхищение и архитектура всей центральной части – с севера к кремлю примыкала Соборная площадь, с юга – Митрополичий сад. Здесь же располагался княжий дворец.

Гармонично во всех сторонах Ростова были расположены пятнадцать православных храмов и несколько монастырей, которые украшали город и составляли его духовную ценность и крепость.

Среди них Григорьевский затвор, являвшийся центром грамотности и просвещения. Здесь писали и переписывали православные, исторические и житийные книги, переводили иностранные. Велась огромная просветительская работа среди местных жителей: открывались школы, в которых учили грамоте не только боярских и купецких детей, но также детей ремесленного люда.

Здесь же располагалась княжья библиотека, в которой было собрано более тысячи томов. Некоторые привезли в дар от Царьградского патриарха, другие купили за огромные деньги – книги были дорогим удовольствием.

Великий князь Константин Всеволодович сам являлся просвещённым человеком: знал несколько языков, писал книги – богословские и философские. Летописцы его называли украшенным «всеми добрыми нравами», часто упоминали о его заботах в создании прекрасных церквей, которые он щедро оделял иконами и книгами.

Его замечательным продолжением стал сын Василько, в недалёком будущем русский святой, почитаемый как мученик, который тоже прославился и строительством храмов, и тем, что был «исполнен книжного учения».

3

О Липицкой битве было сказано так: «И восстал брат на брата, сын на отца, друг на друга! И лилась невинная кровь рекой, перекрывая и Гзу и Липицу. Бесчисленно побито русичей за престол владимирский в той ужасной сече. Око не может всё охватить, а ум человеческий домыслить избиенных. Звери зверьми, а не Божьи создания, именуемые человеками, сошлись в битве той. Раненых безбожно дорезали победившие и раздевали донага. Разве так поступают люди добрые? И где конец зверству людей друг над другом? И где окончание диким распрям?..»

...Летописец Успенского монастыря Макарий с утра маялся головной болью.

Проохав до обеда, поел чуток пареной репы безо всякого аппетита, а затем стал помогать собратьям-чернецам выскрести трапезную, надеясь, что голова уймётся, отвлекаясь от мыслей. Ан не тут-то было: болью, кажется, стал заполняться весь внешний мир.

Надрывно гудел колокол, разрывая череп изнутри, ему вторили малые и средние колокола: динь-дон, динь-дон, давя на барабанные перепонки; а в глазах стали прыгать небольшие чертенята.

«Изыди! – боялся Макарий. – Изыди прочь, вражий сын!»

И крестился многократно. Однако понимал, что крестного знамения недостаточно...

Чертенята отступили только после того, как Макарий с трудом приволокся к иконе Спасителя в главном соборе, свалился перед ней на колени и челом стал трескаться о кирпичные плитки пола.

«Охти мне, грешному, охти мне, окаянному! – трепыхался Макарий всем своим щедушным телом. – Согрешил, оскоромился, блудяга, запахом жирным в постный день! Прости меня, Господи!»

Обращаясь душой и сердцем к Создателю всего сущего на земле, непрестанно чтя молитвы, через некоторое время почувствовал, что колокола литые в его пустой голове звякать немилосердно постепенно прекращают.

Ободрённый, прочёл ещё несколько раз «Отче наш», прислушался к совсем утихающим толчкам боли в затылке, лишь потом поплёлся в келью, многократно с надеждой оборачиваясь на икону Спасителя.

– В истинной вере спасение православного! – со значением подняв указательный палец вверх, прошептал Макарий. – Что нам ваши знахари? Изыди, антихристово племя, язычники окаянные! Спасение даёт лишь Всевышний.

В келье его ждали свитки, листы пергамента и писало, которым он владел, как добрый княжеский дружинник мечом и копьём.

Холодно. Сыро. Лампадка пред иконкой Богородицы едва теплится.

Макарий несколько раз перекрестился, переламяваясь в глубоком поклоне.

Присел на скамью и вдруг услышал тишайшее шевеление высохших берёзовых веток, коими подметал пол в келье.

– А, это ты, Миша, – позвал серую мышку. – Выходи, не бойсь... Я припас крошек тебе хлебных, охти они и скусные!

Вынул кусочек холста, развернул, вытряхнул на ладонь содержимое.

– Тебе о-го-го как хватит! Это мне маловато... Да и к чему монаху еда? Поститься надобно чаще, сам Господь и воздаст...

Показалась острая мышинная мордочка. Принюхиваясь, приблизилась к человеку. Доверчиво ткнулась в лапти.

– Ай, молодца! – воскликнул Макарий. – Поешь, божья тварь.

Мышку он не приручал – можно сказать, что приручилась она сама. Как-то, свалясь в простуде сырым осенним днём, бредя в полусне-полуяви, наткнулся он дланью на крохотный тёплый комочек. Погладил бережно... Придя в сознание, решил, что пригрелась ему сия божья тварь. Но она вдруг появилась, вот так же, из-под берёзовых прутьев.

– Пока ты трапезничаешь, я вещать стану...

Высыпал крошки на пол, ближе к столу, потом прошёлся по келье взад-вперёд, что-то обдумывая, кашлянул пару раз и, выразительно подняв кверху указательный палец, жарко заговорил:

– Да, да, Миша... А я-то думаю, отчего ж Господь наградил меня ныне болью головной. Ан за гордыню... За вольнодумство и порицание сильных мира сего. Странные люди случились в обители намедни. Калики переходные. А ранее в дружинниках княжьих состояли. Ныне кто в дружину возьмёт? Вот и перебиваются милостыней, кто без шуйцы, кто без десницы. А у кого и ноги нету. Больно мне за них, больно на неправедность мирскую. Оттого и укрылся я в Божьей обители, надеясь отойти от обид и страданий, но они и здесь настигают. Ибо мир зол, свиреп, аки пардус, добра в нём чуток, и то не для нас, сирых и грешных...

Летописец остановил хождение, внимательно посмотрел, как мышка подбирает крошки, и продолжил:

– Битва при Липице, Миша, вот где боль, вот где стон людской... Самая несправедливая битва за всю многовековую историю Руси нашей многострадальной. И ведь чего удумали, а?! Князя которятся², простолюдины погибают. И как погибают, Миша!

Он схватился за голову обеими руками, потом воздел их кверху и прокричал:

– Звери ненасытные, вот кто такие те, кои на брань несправедливую, заведомо лживую, посылают слуг своих верных! И глава моя тяжко страдала от того, что поведать мне ныне надобно о битве той злодейской, сам отец настоятель повелели. Ибо ждут в княжьем дворце, ждут описание подвигов великих по истреблению витязей земли родимой – витязями же земли родимой. Каково?!

Он повёл хитрым взглядом в сторону мерцающей лампадки.

– Напишу, – сказал тихо, но со значением. – Ох и напишу... Нет больше сил моих в угоду кривды стараться.

Макарий задумался.

– А настанет ли когда-нибудь время, в коем правда станет брать верх над кривдой? И перестанут ли православные истреблять друг дружку нещадно, в угоду ворогу внешнему? Не ведаю. Господи, просвети...

Пождал немного и, внезапно посветлев ликом, сказал облегчённо:

– Спасибо, Господи! Просветлил... Я верую, я истинно верую, что всё это случится и князя станут разумом править, а смерды и ремесленники ответственность любовью и верностью. Что когда-нито наступит золотой век и мы, сирые, убогие и бесполезные, сумеем уцепить хотя бы его малый краешек. А иначе как? Иначе ждёт нас геенна огненная и заторы ледяные. Нет. Быть того не может... Ты ведь милостлив, Спаситель наш, ты ведь укажешь истинный путь своей заблудшей пастве.

Торопливо возжёт лучину от лампадки, воткнул в щель на полочке и взял в руки писало.

«...Случилось это в месяц цветень-апрель 1216 года.

Нет уряда меж князьями, нет правды на Руси!

По кончине великого князя владимирского Всеволода Юрьевича, да хранит Господь Вседержитель его бессмертную душу, его сыновья Константин и Юрий стали власть делить в княжестве, а всё никак не могли...

По завещанию великокняжеский стол принадлежал Юрию, который его занял не мешкая, по старшинству – Константину, лишённому родителем права наследства незадолго до смертного одра.

Старший того родительского решения не принял, считая злокознием бояр. И похотел стать в стольном граде силой. Сказал он Юрию: иду на Владимир. Юрий воспротивился и призвал на помощь брата своего – князя переяславского Ярослава.

Прослыша о княжьем которе, из Новгорода на помощь Константину пришёл князь торопецкий и новгородский Мстислав Мстиславич по прозвищу „Удатный“, сиречь „удачливый“. Спехом пришёл, потому как браниться возлюбил со младенчества.

„А и пошто разговоры разговаривать? – сказал Мстислав-князь. – Биться надобно“.

„А мы вас конской сбруей закидаем!“ – ответствовали князья Юрий и Ярослав устами храброго витязя Ратибора.

Заржали кони, зазвучали трубы, бубны, коих у новгородцев было шестьдесят, а у владимирцев – сорок...»

---

² Котора – ссора, вражда.

Дойдя до слов этих, Макарий призадумался: боязно на Руси говорить правду, страшно – не говорить...

4

«За что, Господи? Почему Ваньша?» – вновь и вновь неведомо кого спрашивал Александр Леонтьевич, не надеясь получить ответ.

Уже и месяца не стало, уже и утренние лохмы сумерек подбирались к воротам княжьего двorca, а Попович всё мучился воспоминаниями, вновь и вновь проживая тот горестный день...

Прикрывать торопецкого князя поручили Ивану Поповичу и его оруженосцу Нестору.

Копья летели непрерывно, стрелы сыпались дождём и с той и с другой стороны. Русичи воевали меж собой, применяя одинаковую и тактику, и стратегию. Сколько материнских сердец порвалось в этот день, не в силах выносить тяжесть потери кровинушки. Вот и мать Ивана и Александра тогда пала без чувств, ровно в ту минуту, когда Ивану был нанесён смертельный удар.

Лучший витязь Юрия Всеволодовича огромный Ратибор, разметав всех, уже занёс свой двуручный меч над Мстиславом. У того вздыбился конь, и Александр Леонтьевич лишь на миг увидел гримасу ужаса на лице князя Удатного. И гримаса эта никак не походила на воинский оскал.

Иван его спас, приняв удар на себя: «Не замай, Ратша...»

«Брате молодой, как оберегал я тебя ранее, как не уберёт потом... Ведь не его битва эта была, не хотел пускать его – младешенек... А Иван умолял, просил, заклинал именем батюшки родного... Прости меня грешного, Господи! Простите и вы, родители мои, страдальцы».

Силы слишком неравны: Иван был искусным бойцом, но Ратибор намного превосходил его и опытом, и силой.

Мстиславу Удатному вновь сопутствовала удача, он благополучно скрылся, а яростный Ратибор разрубил своим огромным мечом и щит Ивана, и его меч, и его самого. Потом, обманым движением заставив Нестора открыться, разрубил и его наполю – нещадно и жестоко.

Безумен стал Ратибор. Все были безумны тем днём.

Вскипел Александр Попович...

Щадил он противников в бою: «свои же», но тогда сдерживаться перестал.

Суздальцы перед ним падали как колосья под рукой опытного жнеца, многие спасались бегством.

Ратибор бился исправно, но и его изрядно помяли: левый рукав кольчуги изорван, шолом сбит, лик безумен.

– Да я бы вас даже не мечами щекотал, – прохрипел он надсадно, увидев в глазах бывшего сотоварища неизбежную смерть, – я бы вас вожжами выпорол...

Поединщиков на Руси всегда уважали, о них рассказывали сказки, их имена вписывали в летописи.

Битва прекратилась, ряды отхлынули, освобождая место.

Ратибор кинулся с рёвом, с замаха пытаясь нанести тяжёлый удар, будто кузнец молотом. Александр легко увернулся. Сам хлестнул мечом, словно молнией. Ратибор отбил.

Это была схватка гигантов, но Ратибор весил намного больше, потому быстрее устал.

Встретились глазами.

– Отвечай за брата убиенного, – вымолвил Попович, тяжело дыша.

Помнит он предсмертный свистящий шёпот опомнившегося Ратибора:

– Олёша, останови сие... Они же нас как псов стравливают. Негоже нам бить друг дружку. Прости за братку...

За десять тысяч жизней Юрий уступил владимирский престол Константину.

Десять тысяч молодых, здоровых русичей пали в Липицкой битве от рук русичей же!

«Где Твоя правда, Господи? Где Твоя воля?! Невосполнимы потери... И это в то время, когда со всех сторон вынашивают планы завоевания Руси враги внешние. Разве их мало?! Немцы, свеи, ляхи – на западе; болгары, мордва – на востоке; половцы все время норовят ограбить с южных окраин. Чтобы всех отразить, жизни не хватит, даже ежели каждый день от зори до заката махать мечом... Разве их мало?!»

С особой нежностью Александр Леонтьевич вспоминал сейчас родную деревню Стрешнево, что недалече от Ростова, родительскую избу, храм у реки на пригорке.

«Ах, батюшка! Ты учил нас добру и терпимости, учил врагов своих любить... Сюда бы тебя, чтобы посмотрел и удивился, как братья друг над дружкой лютуют. Я бы тебя спросил, где Господь Бог находится всё время, ежели Русь для Него – возлюбленное царство? Это ведь не просто десять тысяч, которые полегли в сече лютой, это защитники земли нашей, которых завтра будет не доставать».

Вспомнил он в который раз, как Мстиславовы новгородцы и смоляне ходили по недавнему полю боя и дорезали суздальцев, что ещё дышали. И донага раздевали всех мертвецов...

Вспомнил, как, словно выйдя из своего сознания, воли и чувства долга, обнажил меч, чтобы немедля покарать зарвавшихся Мстиславовых слуг! Не пустили верные оруженосцы, против которых меча не поднимешь. Бился в их руках Александр Леонтьевич, бился и рыдал, страдая неимоверно.

«Боже правый! Отчего мы так безжалостны к своим же русичам, к их избам и нивам? Ещё и вчерашнего злого врага зовём, чтобы вернее одолеть вчерашнего лучшего друга-побратима. Поганого половца, болотного литвина, ляха-безумца, болгара-бессермена (*мусульманин*) щадим, своим же желования оказывать не приучены. Кто так урядил? Кому надобно, чтобы русичи всё время сокращали число русичей же, безо всякого милосердия?!»

Вспомнил, как безудержно рыдал на могиле молодшего Ивана, и не потому, что брат погиб – доля витязя отдать свою жизнь за отчину, а потому, что сгинул он в битве несправедливой от рук одного из лучших витязей русских – Ратибора, которого тоже будет не доставать, когда к рубежам нашим нагрянут захватчики.

...Год спустя князья-братья замирились. Юрий получил Суздаль. Константин посулил ему великое княжение по своей смерти в обмен на ростовский удел для сынов: Васильку – Ростов, Владимиру – Углич, Всеволоду – Ярославль.

«За что мы дрались? – мучительно думал Попович. – За что умирали? Неужли уряд не был способен без Липицкой бойни? Они поделились, а нам с Иваном чем поделиться осталось?»

Через два года Константин умер. Великим князем владимирским (во второй раз) стал Юрий.

Слишком хорошо Александр Леонтьевич знал нового (прежнего) великого князя. Ведал и то, что рано или поздно сам не минет опалы, потому как многие любимцы воинские Юрия Всеволодовича повержены им в поединках.

Повезло, что после смерти Константина Александр Леонтьевич стал служить его сыну Васильку в родном богоспасаемом граде Ростове.

И всё одно заключение в поруб-темницу – дело времени, мыслил он удручённо.

Но ростовский витязь, всегда точно выполняющий волю князей, отказывался признавать себя в чём-то повинным. Он служил Всеволоду, Константину, теперь Васильку.

И не его вина, что князья русские грызутся промеж себя как волки.

Повинен ли в этом он? Повинен ли Иван, Нестор, Ратибор? Нет!

5

После горестной Липицкой битвы его верные мечники Тороп и Тимоня случайно обнаружили в дремучих владимирских лесах, недалеко от Юрьева-Польского на речушке Гза, затерянное городище, видимо, волховских времен, состоящее из нескольких ветхих избушек, окружённых такой же обветшалой бревенчатой стеной. В самой середине городища небольшая ровная площадка, выжигаемая огнём не одно десятилетие. Скорее всего, здесь было языческое капище.

Заново соорудив ворота, подлатав избы и стены, пополнив припасами и едой, здесь можно было и осаду держать многие дни.

Уже через пару седмиц смерды весей Александра Леонтьевича занялись починкой и обустройством.

Так у Поповича появилось своё городище.

Необходимо отметить, что Александр Леонтьевич был неординарным, замечательным человеком своего времени. Наделённый от природы недюжинным умом, грамотный и просвещённый стараниями отца – благочинного храма Успения Богородицы в родном Ростове Великом, Олёша с малых лет остро чувствовал добро и зло, праведность и несправедливость, искренность и лесть. Богатырская сила гармонично сочеталась в нём со смекалкой и состраданием, способностью быстро ориентироваться во враждебном окружении и принимать единственно верное решение.

Великий князь Всеволод Большое Гнездо души не чаял в своём дружиннике, Константин и Василько почитали за наставника.

Он часто вспоминал великого князя Всеволода Юрьевича. Искренне сожалел, что никто из восьми сыновей не унаследовал его силы, стремления к единению, жажды созидания мощной державы. Всеволода Большое Гнездо страшились и уважали даже извечные вороги русичей – половецкие люди.

В 1198 году степняки особенно лихо терзали рязанское и владимирское приграничье, пока чаша терпения не переполнилась. Кликнули ополчение, собрали дружины в единый кулак...

Огромное войско союзных княжеств выступило в Дикое поле. Стремительным набегом, используя половецкую же тактику, сильнейшим ударом основные орды степных разбойников были рассеяны по всем сторонам. Далее, не останавливаясь, русичи вторглись в южную часть степи, прямо в расположение их зимовищ, чего ранее никогда не совершали.

Половцы в страхе бежали, оставляя всё, унося только собственные жизни. Бежали аж до Лукоморья (побережье Азовского моря).

Эта безоговорочная победа на целых пять лет остановила коварные набеги.

Тогда восемнадцатилетний воин-ополченец Олёша Попович был впервые отмечен великим князем – оружием и доспехами.

В 1205 году великий князь Всеволод Юрьевич послал на княжение в Великий Новгород своего старшего сына Константина.

Именно в его дружине Олёша Попович, храбро сражаясь с подлыми ляхами и язычниками литовскими, отражая коварные набеги закованных в железо бахвалистых немцев, стал незаменимым десятником. Почти три года стоял он на страже новгородских границ.

За доблестное новгородское княжение Константину был пожалован Ростов Великий и ещё пять городов на северо-востоке Руси.

Вместе со старшим Всеволодовичем Александр Леонтьевич отправился служить в родимый град.

Посланец из Дербента

Откровения Мефодия Патарского поражали воображение мрачными картинами жестоких войн, гибелью больших государств: «...изыдут нечистые народы, выйдут Гог и Магог, и дрогнет вся земля от лица их. И убоятся все люди и скроются в горах и в пещерах, и погибнут многие, и некому будет погребать мёртвых».

В те года никто не верил пророчеству...

1

...То утро конца месяца просинца-января 1223 года выдалось пушистым и ярким.

Белые сугробы блестели и переливались разными красками под начинающимся солнечным светом. Их игра щедро отражалась на золотых куполах соборов, а мерный звук большого колокола, призывающий православных к заутрене, селил в душе умиротворение и покой.

Берёзы и ели, с одетыми на них шапками снега, рядами и поврозь тянулись во все стороны града, достигая Чудского конца на востоке и Спасо-Яковлевского Дмитриева монастыря, который куполами и кровлями отражался на зеркальной глади озера Неро, на западе.

Родную картину милостиво дополняли вороний грай и хлопотливый воробьиный треск. Ростов Великий просыпался.

Степенно шли торговцы-рядовичи к своим лавкам у гостиного двора.

А в посадах уже вовсю, в кристальном утреннем воздухе, рассыпался звук кузнечных молотков.

...Это утро конца месяца просинца 1223 года стало для многих судьбоносным.

Александр Леонтьевич перебирал в памяти минувшие события и сведения, которые периодически получал от своих прелагатаев.

И вот как эта служба для него начиналась.

Будучи при князе Константине советчиком и наставником, он стал обращать всё больше внимания как на старые, так и на новые военные угрозы. Следил за движениями половцев, болгар, мордвы, иных враждебных племён.

Подсылал в те края людей, используя полонённых, которым давал свободу; выплачивал серебром и золотом за каждое важное сообщение. Так родилась сеть прелагатаев, то есть соглядатаев, или тайных посланцев, проще говоря – разведчиков.

И сейчас Александр Попович ждал известий с той стороны, где неожиданно возник и разгорался со всё возрастающей силой пожар, имя которому «монголы».

Отметим, что в те времена разведке как таковой уделялось особое внимание, всякий правитель хотел знать, что замышляет его сородич, недоброжелатель, тайный или явный враг.

Сведения доставлялись не только купцами, посланцами или сторожевыми заставами, но и специально обученными воинами, знавшими иноземные языки.

Переодевшись монахами или ремесленниками, они пешком переходили из города в город, собирая необходимые сведения.

Нередко их жизнь заканчивалась трагически. Доблесть и честь тогда главенствовали над всем, среди прелагатаев никогда не было перемётчиков.

Неверно полагать, что наши предки были в чём-то недалековиднее нас. Ратному делу, конечно, уделялось первостепенное внимание. Но прочно существовала и развивалась невидимая для всех прочих княжеская служба разведки – прелагатаи.

2

Горница, в которой располагался Александр Леонтьевич Попович, примыкала к княжьему терему. Это было большое помещение в шесть окон, стены которого были отделаны гладко выструганными досками из морёного дуба и увешаны копьями, мечами, рогатинами, щитами и панцирями. На противоположной от стола стене красовалась огромная кабанья морда, рядом с ней волчья – охотничьи трофеи.

Справа от стола прибиты гладко струганные берёзовые доски, на которых были расставлены толстые книги, в том числе на греческом и латинском языках.

Пол горницы сплошь устлан медвежьими шкурами.

Великий князь Константин, а следом за ним и Василько своих дружинников жаловали, заботились, не жалели средств на их содержание.

Александр Леонтьевич, пользуясь ранним часом, в который уже раз перечитывал «Моление Даниила Заточника». Дойдя до слов: «...кому Боголюбово, а мне горе лютое; кому Белоозеро, а мне оно смолы чернее; кому Лаче-озеро, а мне, на нём живя, плач горький...», в очередной раз изумился точности и ёмкости слов священника, в двух строчках описавшего всю свою долю горькую.

Он хорошо помнил бледную тень Даниила в покоях Константинова дворца, с благодарностью перебирал в памяти их долгие беседы. Годы опалы сломили бунтарский дух книжника, и он жаждал только покоя. Отец Даниил высоко отзывался о познаниях русского витязя в иноземных языках, истории и философии, ценил его тягу к истине, призывал не только мечом орудовать, но и к писалу пристраститься...

Происходил Даниил из свободных людей, многих превзошёл в познании канонов веры православной, ведал философские споры, вёл записи основных событий княжества, был сведущ в истории миров старинных. Безупречным знанием языков обратил на себя внимание великого князя Всеволода Юрьевича и был назначен летописцем. Сытая жизнь во дворце и князем замке Боголюбово не сделали Даниила равнодушным к судьбам простых людей.

Это в полной мере показал пожар, случившийся во Владимире в 1192 году.

Александр Леонтьевич помнит рассказы тех, кто видел тот лютый пожар воочию.

Начавшийся в ночь на 23 июля и продолжавшийся до следующего вечера, он выжег половину города и 14 церквей, княжеский дворец едва удалось отстоять, но соборный храм изрядно обуглился снаружи. Сгорело живьём и задохнулось в едком дыму около пятисот человек по причине ночного времени и тесноты застроек.

Долго ещё гарь и плач витали над стольным Владимиром. Помощи из великокняжеской казны хватало не всем, да и невелика она была.

Пользуясь бедственным положением погорельцев, богатые горожане – «сильные люди» – выдавали ссуды на кабальных условиях, обрекая на горькую судьбу закупа.

Даниил, не желая молча взирать на несправедливость, всё подробно изложил в письме великому князю владимирскому. Прямым следствием словотворчества стала ссылка на Белое озеро. Затем её сменила жизнь у озера Лача в Новгородской земле.

Хлебнув лиха, Даниил Заточник пишет своё «моление» новгородскому князю Ярославу Всеволодовичу. Испросив позволение отца, Ярослав приближает Даниила к своему двору, а затем передаёт на попечение брата Константина, который собирал вокруг себя книжников и летописцев.

«Ибо, господине, богатый муж везде введом – и на чужбине друзей имеет, а бедный и на родине ненавидим ходит. Богатый заговорит – все замолчат и после вознесут речь его до облак; а бедный заговорит – все на него закричат. Чьи одежды богаты, тех и речь чтима».

Кончина великого князя Константина, который всячески поддерживал и оберегал Даниила Заточника, способствовала его окончательному уходу в глухую обитель. И где он теперь, жив ли – неведомо...

Рывком открывшаяся входная дверь внесла в горницу бодрый морозный дух.

– Александр Левонтич! – окликнул ближайший помощник и друг Еким – русоволосый, кудрявобородый мужик с хитрыми голубыми глазами; головой упирался под балки потолочные. – Тут божий человек шибко просится к тебе. Говорит, только ты ему надобен, а сам синюшный – видимо, издалече бредёт.

– Так пусть скорее заходит, – ответил, чувствуя, что огромное внутреннее напряжение последних месяцев – ожидание вестника с ценными сведениями – многократно возросло.

Вошёл монах в длинной рясе с капюшоном. Поверх одета какая-то грязная хламида со следами волчьего меха, очевидно, бывшая охабнем.

На Александра Поповича быстро глянули цепкие холодные глаза и тут же потеплели, растаяли.

Монах в изнеможении присел на скамью.

– Прости, воевода, усталость валит с ног, – сказал басом, слишком правильно выговаривая слова.

– Отдохни, отче, – ответил Александр Леонтьевич и знаком велел помощнику подать воды.

Пришелец из дальних мест скинул капюшон, обнажив длинные седые волосы, и долго, жадно пил, иногда отрываясь от ковша и шумно вздыхая.

– Теперь говори, божий человек, кто ты и откуда, – велел Попович.

– Я – грек именем Ферапонт. Пришёл к тебе из Ширванского Дербента, принёс грамотку от отца Елисея, настоятеля православного храма Рождества Богородицы.

Александр Леонтьевич перекрестился, буквально чувствуя всем телом и душой, как спадает напряжение, имя отца Елисея ему было ведомо. Родом ростовчанин. Придя в Царьград из Печерского монастыря учиться богословским наукам, сумел выслужиться перед одним из помощников епископа из окружения Патриаршего престола и получил целый приход в большом торговом городе. Став настоятелем, сам отправил вестника к великому князю владимирскому Константину Всеволодовичу с сообщением о нарастающей монгольской угрозе. Именно о том, что хан Чингиз разбил найманского Кучлука и взял его земли в состав своей всё время прирастающей империи...

С тех пор являлся верными глазами и ушами стольного града Владимира не только в Дербенте, но и по всему Закавказью.

Монах надсадно закашлялся, прикрывая ладонью рот, и сипло продолжил:

– Диким полем шёл, пока достиг Рязанского княжества, там православные подмогли, ехал санями, слава Господу.

– Худые вести нам принёс?

Вместо ответа Ферапонт достал из подкладки книгу Священного Писания и попросил нож. Бережно вскрыл толстую обложку из телячьей кожи и вынул тончайшие куски китайского шёлка.

– Чти начертанное, воевода, – сказал, отдавая, – остальное обскажу, потому как зрел своими очами.

Александр Леонтьевич взял шёлк, пробежал глазами и велел помощнику:

– Быстро сюда Добрыню и Тимоню!

Писано было по-гречески. Сообщалось, что мимо Дербентской крепости, закрывающей проход на север, прошли три монгольских тумена, по-нашему – больших полка. Ведут их главари именем Субедей и Джебе.

Отец Елисей доподлинно узнал, что выполняют они секретное задание самого монгольского владыки хана Чингиза. Прошли Персию, Азербайджан и Грузию. Везде воевали и побеждали.

На Дербент нападать не стали, а потребовали у шаха Рашида несколько знатных беков якобы для заключения мира. Шах перепугался, беков им дал, хотя отлично понимал, что для монголов они – готовые проводники в половецкие степи.

Отец Елисей выражал изрядное сомнение в том, что истинной целью похода монголов являются половцы и приписал, что от верховьев Кубани через Дикое поле они выйдут прямым ходом к границам южнорусских княжеств.

– Спасибо, отче Елисей, – улыбнулся Попович. – Сами бы мы ни в жисть не догадались...

Монах задремал.

– Брат Ферапонт, – потряс за плечо. – Ведаешь ли ты, что в грамотке прописано?

– Нет, воевода, нам о том знать не положено, дабы, если возьмут, мы и под пытками не могли указать, – отвечал Ферапонт по-гречески, спросонья.

Но Александр Леонтьевич хорошо знал эллинскую речь.

– Ведомо ли тебе о дальнейшем пути монголов после того, как миновали Дербентское ущелье и вышли к Кубань-реке? – спросил он монаха тоже по-гречески.

– Да почитай всё на моих глазах и происходило, воевода, – сказал Ферапонт и вдруг добавил: – Как приятно беседовать с тобой на языке моей бедной родины. Впрочем, у вас на Руси многие знают наш язык...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.